

С. В. II 545

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ И СТУДЕНТОВЪ,

пріуроченый къ ХУІІІ годовщинѣ основанія Восточнаго Института.

21 Октября 1917 года.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типографія Восточнаго Института.
1917.

Š. B. II 545

Prof. Dr. P. Šmita
dāvinājums.

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ И СТУДЕНТОВЪ,

приуроченный къ XVIII-ой годовщинѣ основанія
Восточнаго Института.

Изданіе студентовъ Восточнаго Института.

Inv. 38978

Редакціонная Комиссія П. Ф. Ливинъ.
А. Я. Климовъ.
Д. Г. Голенкевичъ.

— 308 —

ВЛАДИВОСТОКЪ.
Типографія Восточнаго Института.
1917.

Содержаніе.

- 1) Проблемы культуры, *А. Усовъ.*
- 2) Изъ корейскихъ пѣсенъ. Пѣсни о родинѣ и свободѣ, *Г. П.*
- 3) Къ исторіи китайскаго разговорнаго языка, *П. П. Шмидтъ.*
- 4) Законъ, стих. *Ф. Камышиюка.*
- 5) Къ характеристикѣ отношеній Японіи къ европейцамъ въ періодъ перваго знакомства, *В. Паишонъ.*
- 6) Есть души твердыя... стих. *Ф. Камышиюка.*
- 7) Вольная добыча золота на Амурѣ, *А. В. Гребенниковъ.*
- 8) Мѣръ усталый, стих. *Ф. Камышиюка.*
- 9) Новые документы по изученію Современнаго Китая, *Н. В. Кюнеръ.*
- 10) Я люблю умирающихъ огненно... стих. *Ф. Камышиюка.*
- 11) Императоры «императоры» Китая и тотемизмъ *Н. П. Мацкинъ.*
- 12) Нарковъ *Ф. Камышиюкъ.*
- 13) Нарковъ *А. Д.*
- 14) Японскіе анекдоты, переводъ *Н. Овидіса.*
- 15) Моя жизнь, стих. *Ф. Камышиюкъ.*
- 16) Застѣнокъ, пер. съ япон. *Е. Г. Спальвинъ.*
- 17) Жизнь темна, стих. *А. Д.*
- 18) Небесное счастье и земное счастье, переводъ съ япон. *Н. Овидіса.*
- 19) Есть много сокровищъ, *Ф. Камышиюка.*

FILOS. UN FILOS
FAKULTÄTES
BIBLIOTEKA

Проблемы культуры.

Наше время—время кризиса. Давно уже отовсюду слышатся голоса о развале, кривисе, крахе, гибели всего нашего нынешняго общества¹. Все твердят о нарождающемся новом жизнеощущении и жизнепонимании и об окончательной гибели прежних. Война 1914 г. только выявила те культурные противоречия, которые раньше наживались немногими. Война наставила всколыхнуться мертвое болото обывательскаго сознания и потревоженный обыватель также завопил о кривисе. Русская революція производит испытание почти всем общественно-политическим идеалам и также, тем самым, обостряет кризис.

Прежняя культура гибнет—вот единственный вывод из настроений современности.

Но, гибель нынешней культуры, не есть гибель от стихийных сил природы. Сам дух человеческой проиводит это

¹ См. В. Соловьев. Кризис западной философии, Его-же. Критика отвлеченных начал, Логос. 1910 г. кн. I (пред. редакторов), Бердяев, Смысл творчества, Его-же. *Sub specie aeternitatis*, Его-же. Лекция «Кризис искусства» в Москве в 1916 г., Р. Эйкен. Основные проблемы совр. философии религии, Джемс. Прагматизм, Туберозов. Воскресение Христова, Carlyle, Past and Present, П. Струве. Совр. кризис в политич. экономии, Новгородцев. Кризис современнаго правосознания, Его-же. Об общественном идеале, Гуревич. Великая научная революция, Хвольсон. Принципы относительности, Аскольдов. Внутренний кризис трансцендентнаго идеализма, Яковенко. Что такое философия?, Хвостов. Очерк ист. этических учений, Яроп. Вопросы современной морали, Федоров, Щеглов, Шопенгауэр, Гартманн, Кант, Н. Ланге. И. Иванов, Мордухай-Болтовский, Кавелин, Л. Толстой, А. Белый, Скрибниц, Франк и мн. др.

разрушению и разрушает он для лучшаго стропительства. А поэтому можно и должно узнать о нарождающихся новых ценностях и очертить контуры новой культуры. «Всякий раз, когда дух человеческий, разрушая одно начало, говорит: это не то, что я хочу, он уже указывает этим, чего он хочет»,—говорит В. Соловьев. А поэтому попробуем хоть отчасти узнать, чего хочет дух человеческой проиводя градивное разрушение?

Что такое культура?

Культура есть «суб'ективация объекта и об'ективация суб'екта»². Культура есть творческое преодоление данности путем ея суб'ективации, вбирания ея в дух, изживания ея и творческая борьба с закономерностью данности путем об'ективирования ценностей. Культура есть идеализация материи и материализация идеи.

Первое недовольство своей жизнью, первая попытка преодоления жизни—вот начало культуры. Культура есть великое и благородное недовольство духа данным.

Но, культурное преодоление даннаго, являясь отменой природной закономерности, несет новую закономерность, имманентную закономерность продукта культурнаго творчества. Ценность, об'ективированная в трансцендентную духу сущность, хотя и разрывает свое единое бытие с духом, не лишается сил раявительства и движения. Продукты культурнаго творчества—религия, философия, право, искусство, наука, общество и т. д.—приобретают свою закономерность, начинают существо-

² Зиммель. Понятие и трагедия культуры. (Логос).

вать независимо от своего творца и даже подчиняют его себе¹. Как по отношению отдельного продукта культурного творчества и его творца, так и по отношению ко всей культуре и человечества в целом—можно сказать словами Фауста:

«Die ich rief, die geister
Werd' ich nun nicht los».

Строй общества, экономические, правовые, моральные и т. д. отношения не могут быть изменяемы по произволу. Они живут особенной жизнью от своего творца—и часто, почти всегда препятствуют и сдерживают его творческие порывы. Все революции, как общественные, так и духовные, особенно остро ставят проблему имманентной закономерности объективированного культурного творчества. Пылкая мечтательность реформатора наталкивается на безразличную закономерность культуры и попытка не подчиниться ей приносит еще большее рабство закону.

В этом противоречии задачи и сущности культуры заключается ее трагедия². Призванная для спасения духа от законов природы, она освобождая от них, вместе с тем, подчиняет себе.

И вот, поэтому, в задаче культурного творчества входит преодоление не только природной данности, но и культурной данности, освобождение духа от имманентных законов продукта творчества.

«Я хочу»,—сказал дух, начиная свою борьбу с природной данностью, «я хочу подлинной реальности, истинного бытия». «И хочу»,—вот начало борьбы и творчества и начало философии, т. к. философия есть борьба за освобождение духа и творчество жизни.

Если философия «снимает с человека оковы духовного рабства и указывает ему путь истинной свободы»³, если «философия делает человека подлинно человеком»⁴, то не могла она начаться с удивления, как говорит Аристотель, а только волевым актом, с недовольства данностью и хотением подлинной реальности. «Воля к существованию пользуется философией в целях высшей формы существования»,—

¹) Зиммель. Понятие и трагедия культуры. (Логос).

²) Зиммель. Ibid.

³) С. Трубенкоя. Курс истории древней философии, ч. 1.

⁴) В. Соловьев. Собр. сочин. изд. 2, т. II. (Историческая дѣла философии).

говорит Фр. Ницше.

До сих пор, почти все философы понимали философию, как познание. По аналогии с постижением реальности внешнего мира, предполагали, что и подлинная реальность постижима и достижима в акте познания. И только за последнее время немногие философы стали откалываться от этого понимания философии и стали определять ее, как творчество⁵. В этом отношении больше всего сделали русские и американские философы⁶.

Понимая философию как творчество, а значит, как самую сущность освободительного движения духа и культуры, понимая ее, как самый процесс творческого переживания реальности,—я, естественно, обращаюсь к философии за выяснением тех скрытых прежде, а теперь выявляющихся признаков культурного кризиса и за выяснением тех творческих сил, которые будут создавать новые ценности.

Вполне понятно, поэтому, что не смогу я обратиться к философии кафедры, к философии, как одной из научных дисциплин. Надо брать философию в самом глубоком ее понимании,—именно как творчество.

Теперь «за хороший перевод или комментарий к главным трудам Канта можно дать человеку диплом доктора философии, т. е. признать его достаточно проникнувшим в важнейшие мировые проблемы»⁷. Школьная философия теперь не идет вперед и не понуждает к строительству и творчеству, а бессильно плетется в хвосте за событиями⁸, она слишком умеренна и боится страсти. «Рационалистический и кантовский идеализм—тоже ведь позитивизм, тоже философия обыденности»⁹.

⁵) Бердяев. Смысл творчества, Его-же. Sub specie aeternitatis, Бергсон. Творческая эволюция, Его-же. Время и свобода воли, Его-же. Философия интуиции, Лосский. Обоснование интуитивизма, Его-же. Интуитивная философия Бергсона, Его-же. Статьи в «Виржевых Вед.» № 16001, Шестов. Апофеоз безпочвенности, Его-же. Potestas clarium, Его-же. Начала и концы, Федоров. Философия общаго дѣла, т. 1 и II. Джерсон.

⁶) См. В. Яковецко. Современная американская философия. (Логос).

⁷) Л. Шестов. Апофеоз безпочвенности, изд. 2, стр. 68.

⁸) Л. Лопатин. Настоящее и будущее философии.

⁹) П. Бердяев. Sub specie aeternitatis, стр. 264.

Ист?! Только та философия, которая исходит из великой страсти и из великой трагедии духа, только та философия, которая своим девиам делает слова—«философия есть друг всего неизвестного»¹, которая снимает все границы и отменяет все правила для исследования,—только эта философия способна раскрыть подлинную сущность культуры и жизни.

Философия—это огонь испепеляющий душу. Только выжегши всё дурное, хаотическое, непосредственное сознание, можно соадать душу радостного космоса. Философия—это расятие духа на кресте. Ижитие истинной философии опасно и жестоко для души. Слабые души непосредственности не выносят крестных мук и умирают на кресте не возродившись. Прав Платон говоря: «для непосвященных это остается тайной—но философия есть постепенное умирание и приготовление к смерти».

Раз философия есть творчество и достижение подлинной реальности, то именно ей подлежат все движения духа в его борьбе с закономерностью, с природой и культурой. Все отдельные частные вопросы, всё мелкое и всё крупное, только тогда приобретают жизненное значение, когда мы их ставим в связь с самыми интимными, затаенными желаниями реальности. Только то значит, только то ценностно, что служит жизни в подлинной реальности и достижению ее.

А поэтому только философская постановка проблемы дает возможность правильного ее разрешения.

В чем сущность современности?

Я сдѣлаю маленькій экскурс в историю.

XVIII век освободил дух от всех законов, данных ему навне. Личность почувствовала уверенность в себе—и рушились все традиции. В разрушении примынял дух одно орудие, одну силу—разум. Разум только начинал освобождаться: связанный и скованный прежде, он не хотел знать ни чьего авторитета. Свобода наполнила его самолюбием. Только то, что от разума и из разума имеет право на существование. «Критикуя всё, разум обнаруживает стремление к бевалепационному догматизму в своих критических суждениях»². Но сметя все прежнія устои,

разум оставил дух в пустыне. Разрушительная дѣятельность утомила. Скепсис во всем и вся был ижит, нужна была догма, утверждение. И злоха, в лице своих философов и ученых, спешит спасти догму. Слышатся голоса, что скепсис только переходное состояние духа¹. «Мы кочевники, мы люди, живущие в палатках, под открытым небом»,—вот вопль того времени². И вот философия берет на себя задачу дать новую догму. Сен-Симон, Конт, Спенсер—выполняют эту задачу. Скепсис не отрицался, а был ижит и утвержден, и возстановлена в правах догма, уставовлен культ разума. Блаженное спокойствие обречено.

Освободив себя от традиции и закона дух человеческий подчинился только одному разуму и его предписаниям: все нормы, правила—философские религиозные, нравственные, правовые экономические и т. д.—все черпают свою силу только из него.

Некритический рационализм XIX века был пополнен историческим взглядом³. Но, историческая поправка не ослабила, а только усилила рационалистическое настроение. «Абстрактный рационализм, восполняясь историческим содержанием, приходит к высшей точке зрѣния исторического рационализма, объединяющего понятия разума и истории в идее разумного развития»⁴.

Это владычество разума продолжалось почти весь XIX в. и к XX в. мы вышли с немецким гносеологизмом (усугубленным еще апсихологизмом), с нормативной этикой практического разума, с натуралистическим искусством, с рациональной, научной религией.

Творческий дух человеческий выразился в объективации в виде совокупности культурных достижений, основным принципом которых был здравый смысл, дневное сознание. Ориентация духа только на разумном сознании, отрицание повнательной и творческой ценности за трагическими и ненормальными переживаниями, отказ от

стр. 12.

¹) Сен-Симон. См. Иванов. Сен-Симон и сен-симонизм.

²) И. Иванов. Ibid.

³) Виндельбауд. Ист. новой философии, т. II, Риккерт. Науки о природе и науки о культуре.

⁴) П. Новгородцев. Ист. школа юристов, стр. 12, 13, 225, 226.

¹) М. Гюйо. Безверие будущего.

²) П. Новгородцев. Историч. школа юристов,

исследовании темных глубин духа—пот характерные признаки уже отживающей культуры. Позитивизм, в самом широком смысле слова, это—такое умонастроение, при котором полагается предел человеческим стремлениям и переживаниям и этим пределом создается крепость и устойчивость»¹. И этот позитивизм господствовал во всех сторонах культуры. Вначале, очарованные прогрессом, люди не замечали сухости и безжизненности своего мироощущения. Но когда новый Бог человечества—прогресс, был призван на испытание Штирнером, Ницше, Достоевским, Чеховым, и когда он этого испытания не выдержал, сомнение и тревога начали проникать в души. Прогресс превратился в ноль при столкновении с трагедией духа. И вот, начинают проскальзывать отдельные настроения и мысли, идущие против течения. Первоначально скрытые и неясные, они теперь стали сильным течением, все более и более усиливающимся. Под их натиском позитивизм гибнет. Но гибнет он не только от внешней критики, еще более разрушается он самокритикой. Он, приходя к результатам, не может свести концы с концами. Век здравого смысла отжит.

Новые задачи, новые методы постижения, новое строительство и творчество предстанут перед человеком. И, возможно, в этом обращении ко всей полноте духа, как в глубь, так и в ширь, есть залог успеха и преодоления.

Обратимся, однако, к отдельным сторонам культуры, чтобы уловить в их движении и развитии настроения и мысли, которые образуют новое чувство и понимание жизни.

В философии наблюдается постепенное уклонение от прежнего гносеологизма, царствовавшего почти 50 лет. Полное пренебрежение проблемами метафизики и этики дало свои результаты в примечательном изречении: гносеологизм Когена, Риккерта, Шуппе и др. в принципе отвергающий всякую метафизику, пришел к сугубой метафизике Фихте-Гегелевского типа, но только в гносеологических масках. Этот неизбежный прорыв в метафизику, совершившийся уже два раза:—первый—с Фихте, Шеллингом и Гегелем, второй—

с Когеном, Риккертом и Шуппе¹, ясно показывает, что метафизические проблемы не устранимы.

Услех Бергсона, прагматистов, интуитивистов и т. д. ясно указывают на остроту метафизической проблемы.

Трансцендентализм, нормативизм, имманентизм, эмпирокритицизм и т. д. представляют собой громадные достижения в гносеологии и методологии, и в этом—их большая заслуга в области философского творчества. Но они превратились в «отвлеченные начала», говорит языком В. Соловьева,—т. е. хотели часть истины выдать за всю истину.

Эта неудовлетворенность односторонностью рождает в философии новое настроение. Это настроение хорошо отмечает Л. Шестов, говоря: «все вероятно за то, что царству Сократа приходит конец, что человечество откажется от афинского мира истины и добра и снова вернется к забытому им Богу»².

Прежний идеал философа, как безэгоистичного, холодного исследователя мировых проблем, замещается ныне типом мыслителя страстного, бурного, проклинающего и поющего осанну, дерзкого и нахального в обращении с мировыми проблемами. Прослапляется и оправдывается дерзание, наскок, мощь ненависти, презрения, страсти, отчаяния—словом, всей гаммы человеческих чувств.

Появился громадный интерес к вопросам творчества, мистики, психологии бессознательного³.

Шире и глубже хочет стать философия. Не историей философий, а подлинной философией, т. е. соиздательницей жизни хочет она быть. Не в познании ищет она своей мощи, развитие свое она хочет вести не во времени, а в направлении перпендикулярном времени, где основанием для перпендикуляра является личность⁴. Не прикреплением себя к мировой данности хочет усилить себя философия, а раз-

¹) Аскольдов. Внутренний кризис трансцендентального идеализма. Вопр. фил. и псих. зн. 125, стр. 789-791.

²) Л. Шестов. Potestas clavium. Русская Мысль. 1916, кн. I, II.

³) См., напр., Логос, Вопросы филос. и психологии, Новые идеи в философии, Вопросы теории и психологии творчества, труды Прикса, Жана, Рибо, Харта, Фрейда и др.

⁴) Л. Шестов. Начала и концы, стр. 127.

¹) Н. Бердяев. Sub specie aeternitatis, стр. 264.

рылом с ней, преодоленіем ея и творчеством много¹.

Этические проблемы начинают освобождаться от ига категорического императива. Сильные удары, нанесенные добру Ницше, Штирнером, Достоевским, русскими идеалистами, — расшатали устой прежней нравственности. Бесилие и ничтожность добра в вопросах трагических, а, значит, в самых серьезных, острых вопросах жизни, понизили веру в добро. Слышались «безнравственные» голоса: «думали-ли вы когда-нибудь, вы, добрые, стоит-ли добро действительно того, чтобы к нему стремиться? Не пустая-ли это мечта?..» (М. Штирнер), «великія эпохи нашей жизни начинаются тогда, когда мы приобретаем смелость переименовать в добро то, что мы в себе считаем злом». (Ф. Ницше), «для чего познать это *чертovo* добро и зло, когда это столького стоит?», (Ф. Достоевскій), «безнравственно говорить о «добре» перед ликом трагедіи» (Н. Бердяев), «пусть меня судит бог, — у меня не хватает мужества поступить по совести» (А. Чехов) «добро не оправдало возлагавшихся на него надежд». (Л. Шестов). И в самом деле. Душа корчилась в трагических муках саморазрушения и самосозиданія, в мучительной скорби по реальности, а ей говорили, что надо любить ближняго, чтоб ему было тепло и сытно.

В безвыходных положеніях трагедіи духа добро приобретало характер издевательства и насмешки. И чуткіе люди понимали, что нельзя говорить о добре там, где идет трагическая борьба духа за жизнь.

Добро годилось на мелкія поделки, на то, чтоб накормить нищаго, одеть голоднаго, простить врагу и любить обидчика, т. е. на все мелкое, ничтожное, для духа ненужное. И самое важное в жизни обходилось без добра.

Мы видели людей добродетельных, но с презрением от них отворачивались. Можно было выполнить все предписанія добра и остаться тупым ослом. И странно как-то нас привлекали образы «преступников», ненавидящих и проклинающих добро, но живущих титанической жизнью духа.

И вот родилось новое пониманіе добра: добро не в исполненіи правил, а в высоте духа. Подлинную нравственность уви-

дели в отрицаніи обычнаго добра. И эта «безнравственность», однако, ясно осознается, как нравственность высшаго вида. И если обратиться к самим имморалистам, то увидите, что их разрушительная работа идет под девизом служенія высшему добру¹.

Нормативная идеалистическая этика дала определенное завершеніе свое, в виде имманентной критики, придя к имморализму. XX век пришел к имморализму отворачиваясь от категорического императива.

Общественное и личное бытіе лишилось устоев. Возникает проблема пересмотра старых канонів.

Право, регуляція поведенія общественнаго вырастает в громадную силу и захватывает владенія этики. Возрожденіе естественнаго права (Новгородцев, Покровский, Штаммлер, Петражицкій) сметает старыя воззренія. Вырастает новое пониманіе права и нравственности: — первое разграничивает и регулирует жизнь общества, вторая — только личности.

Реставрація старой идеи — естественнаго права — выдвигает проблему этического обоснованія права² и разграниченія сфер права и нравственности.

Пониманіе права как норм, регулирующих только внешнее поведеніе³, ныне, в особенности после работ Петражицкаго, уже сдано в архив, праву отдается веденіе внутренних переживаній и чувств субъекта.

Психологическій анализ правовой нормы ясно показывается императивно-атрибутивный характер⁴. Если мы примем это за признак правовой нормы⁵, то у нас нет оснований выключать из области права нормы религиозныя, нравственныя, веж-

¹) Письма Ф. Ницше къ д-ру P¹с и des Colonel Маккай. Н. Штирнер, Бердяевъ. Трагедія и обыденность.

²) Н. Новгородцев. Нравственный идеализм в философіи права. (Проблемы идеализма).

³) См. напр., Е. Трубецкаго. Лекціи по этицил. праву.

⁴) Петражицкій. Теорія права. т. I, стр. 63, 70, 84, 85 сл.

⁵) Нужно строго разграничивать философско-правовое изслѣдованіе от формально-юридическаго. В то время, как для перваго сознаніе обязанности правовой нормы, вытекающее из ея атрибутивнаго характера, вполне достаточно, для целей изслѣдованія, для втораго — оно может не имѣть ни какого значенія.

¹) Н. Бердяев. Смысл творчества.

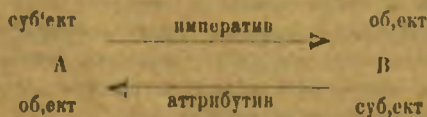
льности и т. д., что и делает Петражицкий¹.

Таким образом область права расширяется до пределов, в которых находятся все человеческие отношения. Вообще, взаимоотношения всех видов,—религиозные, нравственные, любовные, дружественные, семейные, правовые и т. д.—все подлежат праву.

А. Петражицкий выполнил этот анализ, пришел к выводу, что нравственность может являться, да и действительно является и является, только высшее положение и этических норм. И ему пришлось отметить исторический факт, до той поры игнорировавшийся, что прогресс в отношениях заключается в переходе моральных норм (императивных)² в правовые (им-

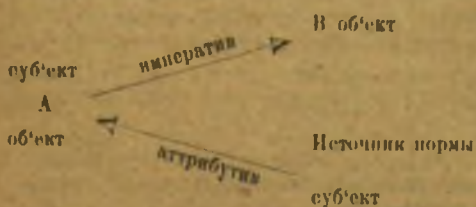
¹) Петражицкий. Ibid., гл. I, § 3.

²) На самом деле также императивно-атрибутивных. В правовом акте одно лицо (В) является субъектом атрибутива и объектом императива, другое (А)—наоборот, объектом атрибутива и субъектом императива. Это можно изобразить так:

Принадлежность (атрибутив) В (субъекту принадлежности) некоторых действий со стороны А (объекта принадлежности), является побуждением (императивом) для А (субъекта побуждения) совершить действие ради В (объекта побуждения).

В акте нравственном В является раздвоенным: субъект атрибутива отходит к источнику нормы (Богу, добру), а объект императива к человеку. Это изобразится так:

Принадлежность (атрибутив) источнику нормы (субъекту принадлежности) некоторых действий со стороны А (объекта принадлежности), является побуждением (императивом) для А (субъекта побуждения) совершить действие ради В (объекта побуждения).

И действительно, в нравственных переживаниях мы ясно сознаем и чувствуем, что, напр., наш ближний не имеет права требовать от нас любви к себе, но за то, это требует от нас Бог или добро. А любить мы должны именно ближнего. Т. о., в то время как в правовом акте участвует только двое, в нравственности

ператавно-атрибутивные).

Таков был странный, но не устранимый, результат анализа правовых и нравственных норм.

До сих пор, мы, наученные анархистами и моралистами думали, что наилучший строй общества наступит при замене норм правовых нравственными, прогресс личного и общественного сознания выдвигает в этой замене. Здесь же столкнулись два взгляда, одинаково убедительные и доказательные.

В области религиозных исканий снова мощный импульс к проблеме. Появляются книги—характерные по своему построению—в роде Джеймса (Многообразие религиозного опыта), Гюйо (Иррелигиозность будущего). Психологии и философии религии становятся дисциплинами дня.

Религиозная проблема освобождается от гимназического отношения. Их исследуют и изучают, а не хлопают по плечу. Росков, Ревиль, Жиран де Риваль, Эйкен, Гейфдинг, Бердяев, Булгаков, Эрн, Ч. Трубецкой, С. Трубецкой, В. Соловьев— вот имена людей, работающих в области истории, психологии и философии религии. Рационалистическая религиозность исчезает. В религиозных переживаниях более предпочитают интимность, неясность, символ, образ, чем понятие.

Но характерно, отмечается ясный уклон в сторону индивидуалистического, творческого мистицизма. В то время как прежний мистицизм, имея свой источник в требованиях индивидуализма, приходил в конце, к отрицанию индивидуальности¹, признанию ее ничтожности, и самый акт мистического опыта рисовал как уничтожение индивидуального я, и безусловно отрицал творчество, как начало удаляющее, нынешний мистицизм не противоречит себе и хочет достигнуть реальности мистического переживания путем творчества и индивидуализации «я».

Правда, опять-таки, нынешнее настроение может быть названо иррелигиозным. Да и сами мыслители утверждают это. Джеймс приходит чуть-ли не к политеизму, в лучшем случае отождествляет Бога с субличным я, Гюйо—сам называет себя иррелигиозным, Гейфдинг признает

участвует трое, но характер самого отношения не меняется.

¹) Виндельбанд. История новой филос. т. I.

пріоритет етики, як обосновуючої цінності, над релігією, як верою в скорочення цінності. По цій пререлігіозності (не атеїзм) являється такою тільки с точки зору уходящої культури.

В науку позитивизм і моністическі матеріалізм—ограниченіться, непознаваність, провозглашавшіся Дюбуа-Реймондом, Геккелем і др.,—змінилися стремлінням, не останавлюючись ні перед какими границями проникнути в сутність бытія, кожній уловити пульс життя, добратися до єго темнаго корня.

Все прежнее «законы» под натиском новых данных обращаются в ошибки. Принцип относительности, радиоактивность, электронная теория, теория диссоциации атомов, неевклидова геометрия и т. д.¹ внесли громадный переворот в научное мышление.

Громадное богатство новых фактов и исследований настолько велико, что синтезирующая мысль осталась позади и основательно слышатся жалобы на эту страсть к собиранію фактов без синтеза.

Наука захватывает себе проблемы прежде принадлежавшія только метафизике и считавшіяся для науки недостойными.

Исследования Эйнштейна, Мпиковскаго, Пуанкаре—отнимают проблему пространства и времени, Лебон, Оствальд, Гельм, Кельвин, Рамзай—берут онтологическую проблему, Шульце, Метальников, Павлов—психологическую и эволюционную.

Искусство давно уже и резко порвало с реализмом и натурализмом, символизм стал признанным. Однако нынешній символизм не удовлетворяет, вернее, не спасает от трагедіи. Искусство наших дней—в лице А. Белого, Метерлинка, А. Андреева, Ибсена, Чурляпса, Пикассо, Скрябина, Вячеслава Иванова и др.—подшло к какой-то грани, и за этой гранью кончается «вселенская мистерія».

Напряженность исканія, страстность борьбы, быстрая смена направлений,—все это—предвестники.

Искусство ясно и остро ставит проблему идеализации матеріи, творческаго

преобразования данности, рождения *космоса* из мистическаго переживания.

Кубизм, футуризм, символизм разрушают матерію, дематериализуют ее. Не сладким лимонадом, а великим учителем и спасителем хочет быть искусство. Оно следуя, завету Эмерсона, хочет учить философию, т. е. жизнь. Красивое словотворчество отжило свой век. Нынешнее искусство, посылая страстное проклятіе данности, реально преодолевает и создает новую землю и новое небо.

В общественных и политических вопросах еще большая растерянность, еще большее разрушение.

Вера в прежнее начало, двигающая сила—социализм идет на иет¹. Теоретическая недостаточность его после работ стольких последователей², ясно сознава давно и жил он только в силу своего большого энтузиазма и веры, да и отсутствия других освободительных движений. Кризис социализма, выразившійся в реформизме в Германии, в синдикализме во Франции, полный отказ в этих движениях от принципов социализма³, признаніе значительности и все усиливающегося значенія идейнаго фактора, требование не только социального и психического переворота⁴—все это дает право сказать, что прежнее воззренія гибнут.

Основной канон социализма, о гибели капиталистическаго общества, отрицается, если не прямо, то намеками⁵.

И ясно осознается, что без этического обоснованія не может существовать и действовать какое-либо социальное міровоззреніе.

Откровенное вознесеніе скорородки вместо

¹) Конечно, надо различать между социализмом и социальными реформами. В то время как первое есть определенное воззреніе, второе есть только политико-экономическая грамотность, как говорит С. Булгаков (Два града). Но одно с другим не связано, а даже как показал А. Новгородцев («об общественном идеале»), одно другому противоречит.

²) Бернштейн, Адлер, Масарни, Туган-Барановскій, Зомбарт, Струве, Булгаков, Новгородцев, П. Барт, Ковалевскій, Карсев, Валентинов, Сорель, Верт, Лягардоль, Филинович, Вольфганг и др.

³) См. А. Новгородцев «Об общественном идеале». Вопросы философии и психологии кн. 137-138.

⁴) Базаров. О конечных целях. Летопись. 1916. кн. -.

⁵) Жорес, Бернштейн, Зомбарт, Туган-Барановскій.

¹) Гуревич. Великая научная революція. Хвольсон. Принцип относительности, Лебон, Эволюція матеріи, Оствальд. Natur-философия. Мордухай-Волтовской. Границы вселенной, Нов. ид. в физике, сб. 2, 5, 3. Нов. ид. в мат. сб. 3, 5, 10.

кадильницы и юбки, вместо креста,—говоря словами Карнейля,—приводит только к гибели всякого освободительного движения.

Движение против социализма, начавшееся уже давно, благодаря мировым событиям; войне и русской революции, только усилилось. Социализм скомпрометировал себя при столкновении с серьезными задачами и это было последним ударом, добившим его. Социализм уже еле дышит и скоро сойдет на нет.

Сводя все эти признаки нашей эпохи в одно получаем: нормы и веления разума не пригодны для духа, всё равнотие в этом направлении привело к ясному сознанию недостаточности, отлеченности этих начал.

Мы вступаем в эпоху нового культурного строительства. Возможно, что и здесь мы снова впадаем в рабство у имманентных законов культуры, но одно ясно—подлинная свобода не затемняется никакими идеями и не вытравима из человека.

В новую культуру мы вступаем с сильным оружием.

Разрушение культуры разума шло под знаменем освобождения духа от всех заповестей.

Поэтому я попытаюсь, хотя-бы общих чертах, выяснить проблему свободы, исходя из материала добытого предыдущим исследованием.

Проблему свободы нельзя, однако; рассматривать обособленно от проблемы творчества и индивидуальности.

Эти три проблемы: творчества, индивидуальности и свободы, неразделимы, и решение одной из них есть решение и остальных.

Творчество без творца индивидуума, или индивидуальности (даже коллективной), без субъекта творчества—невозможно. *Регношъ регношпшъ*—необходима. А т. к. творит только индивидум, то и творчество может быть только индивидуальным. Творчество без свободы, творчество по закономерности, предусмотренное не есть творчество, а только воспроизведение. Зависимость от чего-или кого-либо в самом процессе творчества уничтожает ценность творчества. В этом случае творчество будет принадлежать тому, кто задал для выполнения, процесс творчества. Но

или его мы должны мыслить свободным в творчестве, или же, продолжая установление зависимости *ad infinitum*, принужденны будем повсе отказаться от самого понятия творчества.

Сущность индивидуальности заключается в ее особенности, различии от других. Особенность, различие не может быть определено без их проявления. Индивидуальность, чтоб быть таковой, должна проявиться, активно заявить свое существование. Только действуя, создавая, она приобретает свое бытие. Поэтому в индивидуальности действие создает бытие и сущность индивидуальности в активности. Активность общая и тождественная по всем может создать только общность и тождественность; для создания индивидуальности необходима индивидуальная активность. Индивидуальная же активность есть творчество.

Если индивидуальность не свободна, зависима в своей сущности от своего начала, то тогда начало приобретает индивидуальность. Если же и его объявить зависимым в индивидуальности, то тогда мы попадем опять *in infinitum*. Т. о. если индивидуальность существует, то только свободная.

Свобода может быть пассивная и активная. Первая есть независимость от всего, только потому что все или вообще не существует или для—нее не существует. Такая свобода замыкается в субъекте, она не может быть выявлена и не может быть осознана, т. к. нет объекта. Свобода может быть только свободой, чего, от чего и для чего. Свобода *an sich*—бессмыслица. Поэтому пассивная свобода будет свободой—в—себе есть только голое понятие, без содержания. Даже наше понятие о пассивной свободе приобретено из знания свободы активной, лишенной своего содержания. Свобода—в—себе не могла бы быть познана.

Свобода активная есть не отчуждение от другого, а общение с другим. Общение же есть выявление и утверждение себя, как сущаго. Утверждать же себя как сущее можно только активностью. А т. к. всякая активность есть творчество индивидуальное и индивидуальное творчество, то активная свобода есть творчество¹.

¹) Отсюда следует, что проблема свободы воли есть, иными словами, проблема творчества.

Свобода общаго, всего превращается в свободу пассивную, т. к. у нея не остается объекта. Для всего нет другого. А т. к. свобода предполагает другое, то она не может быть свободой только всего; а, значит, должна быть свободой части, по части не тождественной с другой частью, т. к. иначе они сольются. Следовательно, свобода может быть только свободой индивидуальной части.

Таким образом, получаем, что творчество может быть только свободным и индивидуальным, индивидуальность — только творческой и свободной, свобода — только творческой и индивидуальной.

Сущностью индивидуальности оказывается творчество и свобода. Поэтому возникает проблема о совместимости свободы с обязанностями, нормами.

Правств. обязанности вообще, по своим объектам, могут быть трех родов: обязанности к самому себе, к людям и высшему началу (Бог, добро, прогресс и т. д.).

Обязанность (императив) вытекает из совнания принадлежности (атрибутива) действий кому-то. Поэтому обязанность, как имеющая императивно-атрибутивный характер должна быть отнесена к области права. Если бы нравственные обязанности отличались бы чем-либо от правовых¹, то тогда это рассуждение было бы к ним не применимо. Т. к. императивно-атрибутивные отношения могут быть при условии, что императив и атрибутив попеременно влагаются на субъектов отношения²; то обязанность одного предполагает и обязанность другого.

Т. о. если существуют обязанности к высшему началу (Богу и т. д.), то и у высшего начала есть обязанности. Т. о. человек имеет некоторые права на высшее начало и это последнее имеет обязанности по отношению человека.

Однако, по отношению к Богу и добру установление отношений права и обязанности лишает нравственный поступок ценности.

Точно также и обязанности по отноше-

¹) См. прим. на стр. 8.

²) А это необходимо, т. к. в противном случае будет с одной стороны полная закрепленность без прав. А правовой акт может совершаться только при наличии хоть *minimum'a* права см. Гессен. Философия наказания, Е. Трубецкой. Лекции по энциклоп. права, Петражицкий. Теория права.

нию к людям, устанавливают право и обязанность и тем самым лишают нравственное отношение этической ценности.

Кроме того, всякая обязанность есть запрещение свободы, ея порабощение. А нравственность без свободы или даже при ограниченной свободе теряет свой смысл¹.

Следовательно, или есть обязанность, но нет нравственности, или есть нравственность, но нет обязанностей.

Нравствен. обязанность, во первых, — устанавливает безнравственное право, во вторых, уничтожает ценность нравственного поступка.

Отсюда надо заключить, что истинная нравственность не может состоять из нравственных обязанностей. Но если нельзя обосновать нравственность на долге, обязанности, то надо отыскать другой фундамент. Таким фундаментом может явиться только одно: волевой акт — я хочу.

Задача нормативной этики заключается в подыскании оснований для долга, обязанности, нормы. Долг непременно ставит вопрос: почему? И вот ученые моралисты отыскивают основание для этого долга, хотят дать ответ на вопрос.

Я не буду рассматривать утилитаристическую мораль т. к. критика ея, даже с точки зрения нормативной этики, безусловно верна. Утилитаристическая мораль по существу есть игнорирование нравственной проблемы.

Я обращусь к обоснованиям морали, исходящей из понятий Бога, категорического императива, *summius bonum'a*, воли и власти, эгоизма и т. д.

Все моралисты², желая дать ответ на вопрос: почему *должно* поступать так-то, дают ответ обычно такого рода: потому что такое поведение санкционировано Богом, императивом, разумом и т. д.

Ну а что санкционирует эти иринципы, где они черпают свою силу, чтоб быть в состоянии утверждать должность поведения?

Напр., я должен помоч ближнему, потому что так повелевает мне категорический императив, который имеет, что

¹) Если нравственная свобода ограничена, то ценность нравственного поступка переходит на того, кто приказал так или иначе поступить, т. о. для человека, если он ограничен в свободе, нравственность перестает быть таковою.

²) Сюда же я включаю и имморалистов, устанавливающих обязанности.

правилом моего поведения должно быть то, что может стать всеобщим законом. А почему я должен следовать этому правилу? Потому, что так повелевает наш разум. А почему я должен следовать велениям разума? Потому что только тогда возможны нравственные отношения между людьми, т. е. только тогда я буду помогать ближнему.

Т. о. совершается порочный круг. Высший принцип сам не может быть обоснован. Он должен черпать свою силу в себе. Обычно эту силу он берет из того, что может оправдать и объявить как *должные* поступки, которые бесовски оправдывало чувство. Должность поведения вытекает из принципа нравственности, принцип же нравственности черпает свою силу из того, что оправдывает поведение, относительно которого возникает вопрос о должности.

Вот почему так расходятся моралисты во взглядах, определяя принцип нравственности. Принцип отыскивается и определяется согласно тому, — оправдывает и обосновывает ли он определенное поведение. А т. к. поведение определяется индивидуальной склонностью, то и принципы моралистов могут только характеризовать их самих.

Этика долга, обязанности, вообще обоснование правил поведения, из этого круга вырваться не может. Оно всегда будет давать определение *idem per idem*.

Делая выводы, получаем: этика не может быть учением об обязанностях, правилах, нормах. Обоснование нравственности на норма, обязанности, долге — невыполнимо. Поэтому возникает проблема: чему учит этика и как обосновать нравственное поведение?

Чего мы хотим от нравственности? От нравственности мы хотим спасения и укрепления своего я. Мы ищем такой деятельности, которая вводит бы нас в сущность подлинной жизни и делает нас интимно близкими ей. Нравственность, согласно нашему требованию, есть деятельность творческая, устанавливающая связь нашу с подлинной реальностью. Нравственные искания и страдания обуславливают изолированность, оторванность от жизни невозможностью установить связь.

Но может ли простое исполнение долга установить эту связь? Нет не мо-

жет! Проникновение в глубины жизни, достижение подлинной реальности возможно неподчинением себя миру (что делают обязанности), а преодолением его и творчеством.

Нет! Подлинная нравственность не имеет дела с добром. Добро должно быть окончательно изгнано из области духа. Добро — понятие общественное, правовое, а не личное.

Подлинная этика не занимается учением об обязанностях, нормах, предписаниях. Этика не учит добру, т. к. для духа нет добра и зла, а есть только творчество.

Этика — есть учение о спасении индивидуальности, она учит свободе и творчеству.

И поэтому нравственным надо назвать творчество и созидание себя, а добро и зло отдать праву.

Добро в нравственности пытаются спасти разграничением между формой и содержанием нравственности, объявляя последнее задачей. Но это разграничение есть насмешка и издевательство над нравственным чувством.

Из ребятишек котлетки делают, а моралист вас утешает — это ведь только содержание, ведь важно, что делали котлетки из ребятишек, он чувствует *долг обязанности*, ну, а, в конце концов, с прогрессом нравственности он перестанет заниматься этим.

Если сущность нравственности выражается в истории в виде сознания долга, а этот долг, есть долг поварского искусства в приготовлении детей, то лучше с такой нравственностью дела не иметь. Лучше не исполнять веления долга и быть безнравственным.

Нужно ясно и определенно осознать, что большая часть людей живет, не сталкиваясь и не поднимая вопроса нравственности. Обычный, средний человек довольствуется своей жизнью, о преодолении ее он не много думает, и творчества для него нет.

Исполнение обязанностей не приводит нас к жизни. Только в редкие моменты трагедии духа поднимается средний человек до нравственности.

И только тот, вся жизнь которого есть страстное искание и борьба, мучительное творчество и разрушение, только тот под-

линию живет нравственной жизнью. Вот почему наше нравственное чувство оправдывает и преклоняется перед Сатаной Мильтона, Каином Байрона, Заратустрой Ницше, Карамазовым, Ставрогиним, Раскольниковым Достоевского. Вот почему возможен нравственный суд над добром.

Итак, только творчество самого себя, совпадение истиной жизни духа, достижение реального бытия—есть область нравственности.

Взаимоотношения же между людьми: любовь, дружба, жалость, все это принадлежит разделяющемуся на право позитивное, интуитивное и естественное.

Для этики творчества принципом является волевой акт творческого я. Реальность волевого акта ясно опутима всеми существами, его не надо указывать. Силу (нравственную) волевого акта не надо оправдывать, она устраняет вопрос: почему. Я хочу—на это нельзя спросить, почему? Принципы нравственности, исходящие из долга, могут быть реально нажиты и осознаны только высоким сознанием. Я хочу,—есть первое реальное переживание.

Идея добра также может быть воспринята только разумом, нужна работа духа высокого для уяснения этой идеи. Идея свободы, а, вернее творчества реально изживается всяким живым существом, и даже есть начало его жизни.

Вот почему принцип: я хочу—волевой и творческий может служить принципом этики.

Могут скандалить; но этот принцип оправдывает безнравственные поступки. Но принцип: я хочу—может вести только к творчеству, а относительно творчества можно поднять вопрос о ценности, но не о безнравственности. К творчеству не применимы категории добра и зла.

Здесь поднято слишком много проблем,

чтобы можно было, не только не разрешить, но даже поставить в всей полноте в этой небольшой статье. Но основной вывод я делаю такой:

Сколько бы ни исполнять предписаний морали, сколько ни любить своих ближних, жертвовать им, служить или посвящать им всю жизнь: сколько ни выполнять требования долга—этим мучительной трагедии духа не разрешить, свое сознание не успокоить.

Трагедия преодолевается только победой, а победа над трагедией есть творчество. Творчество научит нас смысл и ценность вкладывать и искать не в мире данного, а в космосе заданного, не в имманентности, а в трансцендентности.

Только сотворив себя, общество и мир, преобразив жалкое безобразие жизни найдем мы исход от жгучаго страдания своей никчемности и ненужности. Трагедия оторванности от трансцендентнаго этим отменяется.

Вот почему необходимо ясно осознать, что исполнение долга, требуемое правом¹, необходимо для жизни общественной, но для индивидуальности она не имеет ценности и смысла².

Новая культура создает человека сильного, свободного, творческаго.

Вековечное проклятие человека, который ищет жизнь, а не живет, в оторванности от темнаго корня жизни. И может быть в творчестве обретается жизнь.

Есть предвестники! Тьма рассеивается на востоке. То не утренний-ли зари?

Александр Усов.

¹) Право, конечно, я понимаю здесь не как позитивное право только, а и как интуитивное, так и естественное.

²) К сожалению, я не имел в своем распоряжении необходимых книг, а поэтому все ссылки сданы без указания страниц, по памяти.

ИЗЪ КОРЕЙСКИХЪ ПЪСЕНЪ о Родинѣ и Свободѣ.

Разлука съ родиной.

(Пѣснь скитальца).

(Почти дословный переводъ, съ сохране-
ніемъ размѣра стиха, патриотической пѣсни,
распространенной среди зарубежныхъ ко-
рейцевъ).

Впередъ, впередъ, и все впередъ!
Тебя покинувши, — впередъ!

Мелькаетъ мысль и вѣрю я:
Возмездья часть найдетъ чередъ,
Теперь же въ путь, и все впередъ!
Тебя покинувши, — впередъ!

Отнынѣ впередъ на много лѣтъ
Разлука намъ судьбой дана,
Но все, чѣмъ грудь моя полна,
Тебѣ одной — вотъ мой обѣтъ!

Оставь же скорбь свою о мнѣ:
Вѣдь все тебѣ,
Любовь моя!

Впередъ, впередъ, и все впередъ!
Тебя покинувши, — впередъ!

Привѣтъ прощальный передавъ,
Направлю путь куда-нибудь:
Сибирскихъ тундръ, Маньчжурскихъ горъ
Извѣдавъ трудности пути,

Придется мнѣ все вдаль итти,
Скитаясь призракомъ какъ воръ.
Но гдѣ бы ни быть я, тебя
Не разлюбить мнѣ никогда!

И ты люби меня всегда,
Люби всегда,
Любовь моя!

Впередъ, впередъ, и все впередъ!
Тебя покинувши. — впередъ!

Разлуки пробилъ тяжкій часъ!
Съ пустой рукой иду сейчасъ,
Но время минетъ, и, клянусь,
Съ Свободы Знаменемъ вернусь!

И на лицѣ, столь полнымъ слезъ,
Увидишь вновь разлитый миръ.
О, не страшись же бурь и грозъ.
И снова жди меня на пиръ!

Пройдутъ года, свиданья часъ
Придетъ для насъ,
Любовь моя!

Г. П.

Къ исторіи китайскаго разговорнаго языка.

Синологи уже давно начали изучать какъ китайскую литературу, такъ и разговорную рѣчь китайцевъ, но когда и при какихъ условіяхъ образовалась разница между литературнымъ и разговорнымъ языками въ Китаѣ, итъ у насъ еще никакихъ изслѣдованій.

Образованіе такъ называемаго мандаринскаго нарѣчія или гуань-хуа приписываютъ нерѣдко времени царствованія монгольской династіи (1206—1368), когда появились первыя драмы на разговорномъ китайскомъ языкѣ. Хотя уже извѣстный конфуціанскій философъ Джу Си (1130—1200) объясняетъ древніе классическіе тексты при помощи разговорныхъ словъ, но онъ не приводитъ ни разговорныхъ фразъ, ни грамматическихъ частицъ. Однако языкъ выше упомянутыхъ драмъ по лексическому составу и грамматическому строю отличается отъ литературнаго слога уже на-столько, что онъ не могъ образоваться въ теченіе только нѣсколькихъ столѣтій. Съ другой стороны, литературный языкъ, какъ извѣстно, сохранилъ грамматическій строй времени Конфуція (551—479 до Р. Хр.), и такъ какъ, по мнѣнію языковѣдовъ, каждый языкъ преобразовывается

и измѣняется въ продолженіе приблизительно 500 лѣтъ, то уже во времена Ханьской династіи (отъ 206 до Р. Хр. до 220 по Р. Хр.,) должна была быть болѣе или менѣе значительная разница между литературнымъ слогомъ и живою разговорною рѣчью.

Полное собраніе буддійскихъ книгъ на китайскомъ языкѣ, изданное недавно въ Японіи, проливаетъ новый свѣтъ на исторію мандаринскаго нарѣчія, такъ какъ буддійская школа 禪宗 чань-дзунъ (Dhyana), какъ видно, распространила свое ученіе при помощи книгъ на разговорномъ языкѣ. Такимъ образомъ въ нашемъ распоряженіи имѣются теперь мандаринскіе тексты съ самаго начала 9-го вѣка, образцы которыхъ обнародовалъ французскій синологъ Г. Масперо (Henri Maspero) въ своемъ сочиненіи: «Sur quelques textes anciens de chinois parlé» въ журналѣ: «Bulletin d'École Française d'Extrême—Orient. T. XIV, 4, Hanoi 1914». Сравнивая упомянутые матеріалы съ данными фонетики и діалектологіи, мы получаемъ болѣе правильное представленіе о постепенномъ развитіи разговорной рѣчи.

Слово 頭 то у, голова, встрѣчается въ качествѣ суффикса именъ существительныхъ, во всѣхъ нарѣчіяхъ

китайскаго языка (см. Манд. грамм. лекц. 10, 5) и является поэтому однимъ изъ первыхъ характерныхъ признаковъ разговорной рѣчи. Въ-стѣ съ этимъ суффиксомъ распространены также мѣстоимѣнія 我 в у о, я, и 你 нѣ (вмѣсто 爾 см. Манд. грамм. 116 стр.), ты, которыя въ литературномъ слогѣ соперничаютъ еще съ многочисленными синонимами. Нѣкоторыя фонетическія и синтактичскія уклоненія въ Шанхайскомъ и хаккасскомъ поднарѣчіяхъ не могутъ служить исключеніемъ изъ общаго правила о распространеніи этихъ мѣстоименій. Упомянутыя три слова, общія всѣмъ современнымъ нарѣчіямъ китайскаго языка, мы имѣемъ право искать уже приблизительно около Ханьской династіи, когда, по всей вѣроятности, еще не было большой разницы между діалектами.

Что касается происхожденія этихъ двухъ мѣстоименій, то 我 в у о, я, изображаетъ вооруженнаго воина, слѣдовательно, означаетъ мужчину, въ то время какъ 你 нѣ⁸, ты, фонетически приближается къ слову 女 н ѳ ѳ³, женщина, которое въ классическихъ книгахъ дѣйствительно замѣняетъ мѣстоименіе второго лица. Эти своеобразныя значенія упомянутыхъ словъ врядъ ли являются простою случайностью, такъ какъ Г. фонъ деръ Габеленцъ (Die Sprachwissenschaft, 2 изд. 306 стр.) находитъ извѣстную связь между словами «ты» и «женщина» также въ другихъ языкахъ.

Вторымъ послѣ то у суффиксомъ имѣетъ существительныхъ является слово 子 зы, смыслъ, встрѣчаемое въ этомъ значеніи во всѣхъ другихъ діалектахъ, за исключеніемъ только Юэскаго нарѣчія. Въ мандаринскомъ нарѣчіи преобладаетъ суффиксъ зы,

уже съ 9-го вѣка, въ то время какъ въ юго-восточныхъ діалектахъ встрѣчается чаще старое окончаніе то у. Поэтому мы видимъ, что въ девятомъ вѣкѣ существовала уже значительная разница между мандаринскимъ, Ускимъ, Миньскимъ и Юэскимъ нарѣчіями, и что послѣднее отдѣлилось раньше всѣхъ отъ другихъ говоровъ китайскаго языка. Теперь мы можемъ также объяснить такія слова, какъ манджурское к у к з і (цапѣвъ) и монгольское х у к ц і, которыя являются заимствованными съ китайскаго 曲子 ц у і-зы (к у к-цы). Нѣтъ сомнѣній, что суффиксъ зы появился уже въ то время, когда въ мандаринскомъ нарѣчіи произносились еще окончанія к, т и п, но когда именно мандаринское нарѣчіе утратило упомянутые конечные звуки, намъ еще неизвѣстно. Хотя въ 11-мъ вѣкѣ китайскіе ученые еще точно различаютъ окончанія к, т и п, но въ извѣстномъ Сихяскомъ словарѣ, составленномъ въ 1190-омъ году, транскрибируются Сихяскія слова китайскими іероглифами уже безъ упомянутыхъ конечныхъ звуковъ. (В. Laufer, The Si-hia Language, a study in Indo-chinese philology).

Суффиксъ 兒 о ѳ считали старіе синологи новымъ явленіемъ въ разговорной рѣчи и почти только особенностью одного Пекинскаго діалекта, но потомъ оказалось, что этотъ суффиксъ встрѣчается не только во всѣхъ говорахъ мандаринскаго нарѣчія, но и въ Вэньджоускомъ поддіалектѣ Ускаго нарѣчія (Манд. грамм. Лекц. 10, 3). Г. Масперо нашелъ слова съ этимъ суффиксомъ уже въ текстахъ 9-го вѣка, но сомнѣвается еще въ значеніи слова о ѳ, такъ какъ почти все примѣры его

относятся [къ непонятнымъ теперь терминамъ кулинарнаго искусства. Что же касается слова 貓兒 мао-ёр, кошка, то это будто можетъ быть также уменьшительнымъ словомъ. Такъ какъ суффиксъ ёр образовался уже въ то время, когда между мандаринскимъ и Ускимъ нарѣчіями была еще болѣе тѣсная связь, то, по-моему, нѣтъ у насъ никакой причины сомнѣваться въ существованіи суффикса ёр уже въ девятомъ вѣкѣ. Слово 貓兒, въ значеніи просто кошка, встрѣчается не только въ Сычуаньскомъ (mao-гi, A. Grainger, Western Mandarin, 336 стр.), но и въ Ваньджоускомъ (mao-n, Montgomery, Wenchow Dialect) поднарѣчии, и, слѣдовательно, приняло суффиксъ уже давно. Точно такъ же и другой примѣръ Г. Масперо 棗兒, жужубъ, соотвѣтствуетъ Пекинскому зао-ёр, заимствованному уже давно манджурами (соро; срав. еще: 桃兒 тао-ёр, торо персикъ, и 道兒 дао-ёр, доро, дорога).

Итакъ отъ обще китайскаго разговорнаго языка отдѣлилось сначала Юэское, потомъ Миньское, и, наконецъ, Уское нарѣчіе, болѣе близкая связь котораго съ мандаринскимъ нарѣчіемъ подтверждается еще другими фактами. Такъ напримѣръ, мандаринское мѣстоименіе третьяго лица 他 та и частица множественнаго числа 們 мён встрѣчаются также въ нѣкоторыхъ говорахъ Ускаго нарѣчія, между тѣмъ какъ слово 別個 біа-гё, другой, Шаньдунскаго говора имѣетъ Ускій опредѣлительный суффиксъ 個 гё, вмѣсто мандаринскаго 的 ді. Но главнымъ доказательствомъ болѣе близкаго сродства послѣднихъ двухъ нарѣчій является утрата въ обоихъ конечныхъ зву-

ковъ к, т, п и м.

Я однако не могу согласиться съ мнѣніемъ Г. Масперо, что разговорные тексты 9-го вѣка представляютъ собою будто еще общій китайскій разговорный языкъ, а не специально мандаринское нарѣчіе. Такія слова, какъ: 這個 цё-гё, этотъ, 那個 на-гё, который, 甚麼 шён-мо или 什麼 шы-мо, что, 作麼 зуо-мо (теперь 怎麼 зён-мо), какимъ образомъ, 這麼 цё-мо, такъ, столь, вопросительная частица 麼 мо, опредѣлительный суффиксъ 底 ді (теперь 的 ді) являются какъ разъ характерными словами гуань-хуа и, сколько намъ извѣстно, вовсе не встрѣчаются въ другихъ нарѣчіяхъ. Къ такимъ же словамъ можно еще отнести частицу прошедшаго времени 了 лiao, вспомогательный глаголь 是 шы, быть, и вопросительное мѣстоименіе 誰 шуі, кто, такъ какъ въ другихъ нарѣчіяхъ эти слова примѣняются рѣже и не являются общими для всѣхъ говоровъ. Если ученые буддисты 9-го вѣка пользовались только главнымъ нарѣчіемъ разговорнаго языка, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ также беллетристы послѣдняго времени пишутъ драмы и романы почти только на гуань-хуа.

Рядомъ съ главнымъ мѣстоименіемъ третьяго лица 他 та, встрѣчаются въ упомянутыхъ буддійскихъ текстахъ изрѣдка еще 伊 і и 渠 ц'уі, которыя соотвѣтствуютъ современному Миньскому 伊 і, Юэскому 渠 ц'уі и Ускимъ 伊 і и 其 ц'і. И такіе примѣры вовсе не говорятъ еще въ пользу одного общаго разговорнаго языка въ 9-омъ вѣкѣ.

Мѣстоименіе 這 цё⁴ изображается еще 這 и 者, и является, очевидно, дальнѣйшимъ развитіемъ литератур-

наго служебнаго слова 者 цо³, которое уже съ 7-го вѣка играть иногда роль указательнаго мѣстоименія. Вопросительное мѣстоименіе 那 на³, который, Г. Масперо производитъ отъ литературной вопросительной частицы 那 но, и констатируетъ новое значеніе этого слова уже съ 5-го вѣка. Разговорная вопросительная частица 麼 мо появилась въ литературѣ съ начала Танской династіи, т. е. съ 7-го столѣтія. Вышепомянутый опредѣлительный суффиксъ 的 ді или ді ді Г. фонъ деръ Габеленцъ считаетъ видоизмѣненіемъ литературнаго 之 цы, но Г. Масперо оспариваетъ такое объясненіе; однако въ самомъ дѣлѣ ни гипотеза Габеленца, ни возраженіе Масперо не подтверждены безспорными фонетическими правилами.

Г. Масперо приводитъ много старинныхъ разговорныхъ словъ съ префиксомъ 阿 а, который констатированъ въ китайской письменности уже со времени Циньской династіи (221-206 до Р. Хр.). Б. Лауферъ доказываетъ, что звукъ а является общимъ индо-китайскимъ суффиксомъ, который въ китайскомъ языкѣ опредѣляетъ преимущественно слова, означающія людей (The prefix a in

the Indo-chinese languages. Journal of the Royal Asiatic Society. London. 1915). Намъ здѣсь интересуется приведенное Г. Масперо слово 阿兄 а-сіун (**(x)о-хіун*), старшій братъ, которое заимствовали также манджурь (ах³н). Такимъ же образомъ отъ китайскаго 阿兄 а-гё получилось манджурское аге. Этими примѣрами подтверждается тотъ фактъ, что префиксъ а существовалъ нѣкогда также въ сѣверо-мандаринскомъ нарѣчьи, и что поэтому онъ не можетъ считаться особенностью только южныхъ говоровъ, сохранившихъ этотъ суффиксъ еще до нашихъ дней.

Эти немногочисленные примѣры не даютъ намъ, конечно, еще полной картины развитія китайскаго разговорнаго языка, но и эти данныя открываютъ намъ новые горизонты въ китайской филологіи. Во всякомъ случаѣ начало своеобразной разговорной рѣчи намъ нужно искать не во времена Юаньской, но скорѣе Ханьской династіи. Если это такъ, то до 9-го вѣка не могъ сохраниться въ такомъ большомъ государствѣ, какъ Китай, одинъ общій разговорный языкъ, безъ значительныхъ диалектическихъ особенностей.

Проф. П. Шмидтъ.

Закон.

*В безумном небе алмазны цити
Сплетенья ярких, блестящих звезд.
Безмолвы стени.*

*Я — в темном склепъ,
Я — образ чьих-то бездонных грез.*

*Но наклоняясь над океаном
Я зажигаю свою зарю...
Во снъ тумана —
Крик урагана
И свѣтъ алмазный во тьмъ творю.*

*Вьска неволи, птьмых томлений...
И смерть Владыки. И миг раба.
Мета мопеній
И низверженій
И солнце в безднъ — моя судьба.*

Ф. Камышнюк.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ОТНОШЕНІЙ ЯПОНИИ КЪ ЕВРОПЕЙЦАМЪ ВЪ ПЕРІОДЪ ПЕРВАГО ЗНАКОМСТВА¹.

Члены Японскаго Азіатскаго Общества на одном из своих собраній обратили вниманіе на жизнь и деятельность Ватанабе Нобору, или Кадзана, как он чаще назывался. Ватанабе был одним из самых ранних пионеров западнаго просвещенія и цивилизаціи в Японіи и одним из тех смелых талантливых мужей, которые известны были под именем голландских ученых и которые так хорошо подготовили почву в начале XIX столетія для реформ Мейдзи.

Его жизнь, подобно остальным его друзьям единопмышленникам, прошла в сравнительной неизвестности. Кроме нескольких трудов, обративших на себя вниманіе соотечественников, он еще, выражаясь фигурально, созидал фундамент для новаго зданія, совершенно не предполагая, что на этом его скромном фундаменте суждено было возвыситься великолепному сооруженію². Если бы ему было известно, как велики были результаты его трудов, то его послѣдніе часы не были бы так печальны.

Ватанабе родился в 1793 году в благородной, хотя и бедной, самурайской семьѣ, состоявшей на службѣ у владѣтелей таварскаго клана рода Міяке. Вскоре после его рожденія, священникъ, с которым имѣла совѣщаніе его мать, сказал ей, что ея ребенокъ слегка будет болѣть оспой, что онъ сделается очень

знаменитым и что умрет онъ среди злополучныхъ обстоятельствъ. Предсказанія, из которыхъ всемъ суждено было оправдаться, начали осуществляться очень скоро.

Ватанабе, действительно, имѣлъ в дѣтствѣ оспу в легкой степени и, уже будучи восьми лѣтъ отъ роду, вступилъ на низшую ступень своей славной жизненной лѣстницы, когда его, какъ скромнаго и прилежнаго мальчика, назначили пажемъ и компаньономъ къ старшему сыну даймю Камекици изъ рода Міяке. Но молодой даймю в 1806 году умеръ; Нобору продолжалъ служить второму сыну Мотокици, занявшему место перваго. В скоромъ времени умеръ и старшій даймю, тогда отецъ Нобору былъ назначенъ опекуномъ молодаго Мотокици, а самъ Нобору—воспитателемъ. В это время токіюскій сіюгуна, приводя въ порядокъ управленіе страной, издалъ распоряженіе, чтобы все феодальныя даймю держали свои дома въ Едо подъ надзоромъ центральнаго правительственна. Следовательно, случилось такъ, что молодой Ватанабе проходилъ свои первые служебныя опыты въ Едо.

Кланъ Тавара былъ беденъ, родъ Міяке не имѣлъ большихъ доходовъ, которыми бы онъ могъ поставить въ лучшія условія жизни своихъ слугъ. Отецъ Ватанабе былъ преданнымъ китайскимъ ученымъ, съ душою, возвышающеюся надъ низменными денежными разсчетами и выгодами. Такимъ же былъ и его сынъ. Поэтому хозяйство Ватанабе было крайне бедное, и часто его семейство испытывало ужасную нищету,

¹) Содержаніе этой статьи позаимствовано изъ «The Russo-Japanese War», японское изданіе, я изъ лекцій японскаго профессора Симидзура.

²) Здѣсь имѣется въ виду современное состояніе Японіи.

терпя голод и холод. Чтобы выйти из такой бедности, Ватанабе в 1815 году, по совету знаменитаго маджуроведа Такахаси, пачал изучать живопись совместно с литературой, и так как он был человеком талантливым и трудолюбивым с природною склонностью к живописи, то он скоро увидел, что может зарабатывать деньги продажей картин и обучением своему искусству; желающих же учиться у него было много. В течение всего этого периода Нобору, больше известный с этих пор под именем Кадзана, относился к себе с крайней строгостью, как можно видеть из следующего перечня правил, собранных им для урегулирования своих собственных действий и поступков и показывающих, как строг он был к себе даже в минуты повседневной жизни.

1) Усовершенствовать свой характер самовоспитанием, заботиться о своем доме и посвящать свои скромныя силы развитію благосостоянія своего клана и страны.

2) Быть прилежным в выполнении своего долга сыновней почтительности.

3) Усердно изучать китайскія науки.

4) Быть прилежным в записях живописью.

5) Ничего не читать, за исключеніем древних китайских классиков.

6) Выбирать хороших друзей и наставников.

7) Быть умеренным во всех отношеніях.

8) Быть бережливым в отношеніи своего времени.

9) Избегать разговоров на тривіальныя темы.

10) Быть осторожным и благоразумным.

11) Быть очень внимательным в каллиграфіи, чтобы писать каждый іероглиф надлежащим образом.

12) Избавить от нужды семейство доходями от своего искусства.

В третьем году Бунсей (1821) отец Кадзана умер, и Кадзан не только сделался главою своей семьи, но даже одним из высших чиновников таварскаго клана. Такое повышеніе расширило сферу его вліянія и на некоторое время заставило его удалиться из Едо.

Этот період его жизни был отмечен

некоторыми интересными инцидентами. Наиболее характерный из них следующий.

Клан Тавара однажды был обезпечен вопросом относительно наследованія даймиа-том. Тогдашній владетель Ясуаки не имел детей. Кадзан очень хотел, чтобы его младшій брат Томонобу был усыновлен им, и таким образом наследованіе кланом прямо бы удержалось в роде. Но другія главныя лица из свиты Ясуаки склонны были усыновить какого-либо молодого дворянина из богатаго дома. Они одержали верх: наследник был выбран из богатаго рода Химедзи. Это так огорчило Кадзана, что он потерял всякій контроль над собой и обратился к вину и удовольствіям. К счастью, это было не долго. В 1829 году мы находим Кадзана в личной свите новаго владетеля Ясуао; мы видим его работающим над составленіем исторіи таварскаго клана и пользующимся большим расположеніем Ясуао¹. На это указывает тот факт, что ему удалось убедить Ясуао, чтобы тот передал по наследству таварскій клан прежнему владельцу, роду Міяке, усыновив сына устраниннаго Томонобу и выдав за него свою дочь.

В третьем году Темпо (1832) Кадзан сделался министром клана и некоторое время усердно старался поднять его благосостояніе. Благодаря его умелому управленію Тавара, в бытность его министром, не подвергалась позорному наказанію плетьюми.

В годы правленія Темпо (1830—1844), когда страну посетил голод, он за свои труды по оказанію помощи голодающему населенію удостоился похвалы от сёгунскаго правительства. Он также заслужил самыя лучшія благодарности со стороны своих товарищей, живших в провинціи, открыв для них библіотеку, в которую он пожертвовал все свои книги, купленные ценою большаго труда и лишеній. Таким образом во время прохожденія своей должности он совершенно не думал о самом себе. Впослѣдствіи в самыя тяжелыя минуты его жизни, когда у него был обыск в доме,

¹) Такое расположеніе объясняется тем, что Кадзан старался из всех сил упрочить положеніе Ясуао, как феодальнаго князя.

полиция ничего не могла найти у него, за исключением билетов на заложенные вещи. Ясно видно, что службное положение довело его до нищеты.

В настоящее время Кадзап интересуется нас главным образом тем, что являлся принципом, которые с необходимостью вели к реформам Мейдзи. На такую его деятельность, можно думать, оказало влияние прибытие в Японию немца Зибольда. Последний опубликовал очень интересное описание путешествия, которое он совершил в Токио в 1826 году, как уполномоченный голландским правительством, когда Кадзану было около 30 лет. В этом описании Зибольд между прочим рассказывает о визитах, которые ему делали любознательные японские ученые.

Кадзап в это время должен был быть в Едо, так как он составлял тогда историю танарского клана, и тогда же даймио Ясунао назначил его своим адъютантом. Из японских биографий нам известно, что с 32 или 33 года Кадзан начал интересоваться изучением географии и истории, и существует рассказ, как он случайно увидел в доме одного из своих друзей большую стениную карту и так заинтересовался ею, что простоял перед ней несколько часов сряду в глубоком размышлении. С этого времени Кадзап посвящает себя изучению голландского языка, единственного европейского языка, доступного в то время японцам. Он не только изучает язык, но и составляет книги по географии, истории и цивилизации западных стран. Между прочим ему приписывают составление одного художественного чертежа, представляющего собою паруса с раскрашенными флагами всех государств; причем паруса были распределены по морским дистриктам. Благодаря такому чертежу народ сразу мог определить национальность прибывающего иностранного судна. Этот труд Кадзапа тем более был необходим, что стук иностранцев в ворота Японии делался все чаще и чаще.

В целях наилучшего распространения новой, так называемой европейской науки, которую Кадзан считал необходимой для благополучия своей страны, он организовал общество «Сюсикай», в числе чле-

нов которого было не мало передовых и талантливых лиц того времени. Это общество старалось всеми мерами пропагандировать западное просвещение; редкая посещенія иностранцами Едо все же давали его членам возможность пополнить свои сведения о западных странах, причем, мы можем быть уверены, они подробно все разузнавали от иностранцев.

Такой визит, например, имел место в девятом году Темпо (1838), когда голландец, по имени Кобигага¹⁾ (в японской транслитерации), провел некоторое время в Едо, вероятно, с поручением, аналогичным тому, которое привез и Зибольд. Результаты продолжительных бесед, которые Кадзап имел с этим человеком, были опубликованы им в книге, озаглавленной «Кецудзюцу Мондо». В этой книге он детально рассмотрел вопрос относительно того, благоразумно ли для Японии держаться от всех государств на почтительном расстоянии.

Около того же времени, или даже немного раньше, в Едо были возмущены прибытием американского судна «Моррисон», цель которого была — высадить на берег японских рыбаков, вынесенных бурей в море и спасшихся на берегах Британской Колумбии. Эти рыбаки некоторое время прожили в Америке, затем они были посланы в Англию, где в них приняли участие какие-то добрые люди. В дальнейшем мы узнаем, что они были в Кантоне в доме одного миссионера, откуда уже и были отправлены на судне «Моррисон» в Японию. Очевидно, думали, что в Японии они будут распространять свет Христова Учения (в протестантском вероисповедании).

Едоское правительство, действуя, вероятно, по совету вышеупомянутого голландца, не позволило им высадиться на берег, а отослало их в Нагасаки, как надеждавшее место для разрешения всех вопросов, касающихся иностранцев. Но в Нагасаки им было также отказано, и они отплыли, к великому горю японских пассажиров, почувствовавших себя обреченными на вечное изгнание. История не говорит нам, что в конце концов случилось с ними.

¹⁾ Очевидно, японцы здесь ошибочно приняли за собственное имя слово капитань.

Возвращаясь к Кадзану, мы должны сказать, что он не сочувствовал вышеизложенной политике сёгуната, и свои взгляды по этому вопросу опубликовал в книге «Синкирон». В этой книге, пропущенной теми же самыми идеями, что и первая (Кецудзэцу Мондо), он настойчиво указывает на положение европейских государств, на захват Азии Европой, на необходимость для Японии защищаться против наступательнаго движенія европейцев и на неспособность Японіи бороться с иноземными врагами до тех пор, пока не будут введены реформы; последнія, по его мненію, возможны только после обстоятельнаго знакомства с европейскими государствами. Издавіе такой книги решило судьбу Кадзана. За ея содержаніе, направленное против политики сёгунскаго правительства, он был арестован и заключен в тюрьму. В доме у него был произведен тщательный обыск, но ничего инкриминирующаго не было найдено, за исключеніем вышеупомянутых билетов, свидетельствовавших о задолженности Кадзана. По истеченіи двухлётнаго заключенія он был освобожден и отослан, как опальный, на жительство в Тавару. Можно было бы думать, что там он будет уже в полной безопасности. Однако дальнейшій ход событий показал иное.

В характеристике этого человека поразительно то, что с момента своего освобожденія он совершенно отказался от занятій европейскими науками и замкнулся в изученіе китайских классиков, которых считал своими руководителями в жизни. Это он делал отнюдь не из-за страха перед наказаніем, но из опасенія,

что дальнейшее продолженіе этих занятій может доставить много безпокойств его матери и семейству.

Однако ему нужно было иметь средства къ существованію. Поэтому по предложенію одного из своих учеников он открыл классы живописи и рисованія. Слава его, как знаменитаго художника, привлекла к нему много учеников. Тем временем враги Кадзана, добившіеся удаленія его из Едо, никак не могли еще забыть его прежняго ученія. К тому же среди них много было таких, для которых самая возможность чтенія иностранных книг казалась непростительным преступленіем. Поэтому Кадзан вторично был арестован.

После этого он впал в тот пессимизм, который проистекал от сознанія безполезности прожитой жизни и къ которому вообще склонен ум восточнаго человека. Отстаивать прежніе взгляды для него теперь не имело никакого смысла, да он и вообще уже перестал думать о том, что ему делать. Спокойно написал он прощальное письмо жене, матери и своему феодальному князю, сделал все последнія распоряженія на счет будущаго тех, кого он любил, и, удалившись в другую комнату, совершил харакири. Хотя и говорят, что къ самоубійству часто прибегают трусы, но мы не можем сказать этого относительно Кадзана.

Вся его жизнь показала, что за себя он не боялся. Он умер за других, он умер, чтобы спасти свое семейство и клан от какой-либо ответственности за те взгляды и чувства, которых они не разделяли.

Борис Пашков.

*
* *

*Есть души твердыя, как камень,
И есть холодныя, как лед—
Им чужд страданій знойный пламень—
Сіянье утренних высот.
Безцвѣтных лиц кругом так много—
И стѣро, скучно на пути.
Гранитом выстлана дорога—
И надо вѣчно вдаль идти.*

*Но в тусклом сумракѣ невѣрїи
Порой сверкнет сверху звѣзда,
Открыв божественныя двери
И прошептал: „Иди туда!“
—То души свѣтлыя, как зори;
—То души, пѣжныя, как сон;
Устав страдать, ромяют стон
И утопают в дальнем морѣ.*

Ф. Камышнюк.

Вольная добыча золота на Амурѣ.

Неоднократныя, за послѣдніе годы, моп поѣдки въ Сѣверную Манджурію даютъ возможность сдѣлать сопоставленія и остановиться на разительномъ контрастѣ, по сравненію съ прежними годами, въ дѣлѣ вольной добычи золота (аллювиальнаго) на песчаныхъ откосахъ обоихъ береговъ Амура. Въ 1912 г. ни на лѣвомъ (русскомъ) ни на правомъ (китайскомъ) побережьяхъ Амура еще не было золотоискателей.

Въ 1914 году появились одиночки съ лотками и, главное, партіи отъ 3 до 8 человекъ, передвигавшіяся на своихъ лодкахъ вдоль китайскаго побережья въ поискахъ золота. Въ 1915 г. добыча золота по песчанымъ побережьямъ обоихъ береговъ Амура и его острововъ имѣла характеръ лихорадочной спѣшной работы со многими сотнями участниковъ. Въ 1917 г. наблюдалась почти та же самая картина. По національности искатели и добытчики золота распадалась на 1) корейцевъ, 2) китайцевъ и 3) русскихъ; всего больше было корейцевъ и всего меньше русскихъ.

Помимо вольныхъ артелей, хищниковъ, работавшихъ по побережьямъ Амура, начиная почти отъ устья Сунгари и выше до устья Аргуни, повышенный спросъ весной 1915 г. на золото и счастливыя находженія его на Амурѣ вызвали къ жизни старыя разработки по китайскому побережью и опредѣлили крупныя—новыя. Такъ, ниже Айгуна верстахъ въ 3—4 по отлогому и низкому берегу Амура, однако неаотопляемому и въ большое половодье, лѣтомъ 1915 г. можно было наблюдать

40 слишкомъ раскинувшихся палатокъ съ 4—7 обитателями въ каждой, ожидавшими соответствующаго разрѣшенія, чтобы приступить здѣсь, въ совершенно новой для этого мѣстности, къ добычѣ и промывкѣ золота, какъ только послѣ спада воды въ Амурѣ обнаружались бы песчаные откосы. Окаывается въ 1916 г. китайскія власти не разрѣшили вольную разработку золота; палатки были разобраны, искатели, разбившись на артели, разбрелись по откосамъ китайскаго и русскаго берега.

Администрація въ Благовѣщенскѣ (до 1917 г.) оказывала преступную неосвѣдомленность относительно производства въ рассматриваемый періодъ времени добычи артелями золота у прибрежныхъ откосовъ русскаго берега: 1. близъ Ново-Кумарской станицы (здѣсь въ іюлѣ 1915 г. работали русскіе и корейцы.), 2. въ мѣстности прежней «Резиденціи» на берегу Амура противъ китайской деревни Фулярцви, ниже Айгуна въ 15-17 верстахъ и летучія артели въ другихъ пунктахъ.

Осмотръ по китайскому берегу инвентаря золотоискателей даетъ возможность сказать, что, по большей части, артели въ 5—8 человекъ имѣютъ свою плоскодонную лодку китайскаго типа, гдѣ помѣщаются: утварь для изготовленія пищи, топоръ, лопаты, эмалированные или жестянные тазы, парусина, запасы муки, овощей и, главное, «бутара», первенство примѣненія которой приписывается здѣсь корейцамъ.

Бутара представляетъ собою деревянный, примитивно построенный переносный

ящикъ, высоту аршина $1\frac{1}{3}$, шириною до $\frac{3}{4}$ аршина и длиною до одного аршина. Площадь верхняго прямоугольника, выгнутаго въ сторону выходного выпау бутары желоба, нѣсколько больше площади нижняго. Верхняя площадка бутары сдѣлана изъ оцинкованнаго желѣза и представляетъ собой ровное углубленіе до $1\frac{1}{2}$ верш. По всему дну этого ящика пробиты многочисленныя отверстія. Въ этотъ ящикъ одинъ рабочій накладываетъ «породу», другой поливаетъ водой, третій размѣшиваетъ и растираетъ комки. Мелкія части породы вмѣстѣ съ водой проходятъ черезъ отверстія внутри бутары на доску равную сторонѣ бутары, прикрѣпленную къ задней ея стѣнкѣ (при 4 «шлюзахъ» и къ передней при трехъ) подъ угломъ въ $25-30^\circ$ и не доходящую до противоположной стѣнки (—) на равстояніе 1—2 вершковъ. Черезъ образующуюся расщелину вода и порода поступаютъ на вторую точно такую же доску, прикрѣпленную наклонно къ передней стѣнкѣ и также не доходящую до противоположной задней стѣнки. Съ этой плоскости вода и порода поступаютъ выходной желобъ. На поверхности этихъ досокъ, обитыхъ преимущественно солдатскимъ сукномъ, задерживаются частицы золота и процентъ упускаемаго золота очень невеликъ. Чаще встрѣчаются бутары съ тремя шлюзами.

Удачная промывка породы 100-150 пудовъ даетъ отъ 2-5 золотниковъ золотого песку. Качество добываемаго здѣсь золота различно. Интересно при этомъ отмѣтить, что у артели и у пріемщиковъ золота въ большемъ ходу гладко отполированный, черно-коричневаго цвѣта камень, находящійся въ верховьяхъ Амура близъ Мо-хэ и называемый китайцами «ши-цинъ-ня» 試金石 золотопробный камень. Наблюденія подтвердили, что при прочеркиваніи тѣмъ же металломъ золота, серебра, мѣди—на поверхности камня остаются характерныя по цвѣту для золота и даже разныхъ его сортовъ мѣди, серебра—полоски, легко стираемыя для новыхъ, пробныхъ прочеркиваній.

Добытый золотой песокъ съ китайскаго и русскаго берега поступаетъ китайцамъ скупищамъ въ Айгунь, главнымъ образомъ, въ Сахалинъ и даже въ Благовѣщенскъ, гдѣ работаютъ и китайцы и

русскіе. (Въ Благовѣщенскѣ опредѣленно указывали фамилію Хлѣбниковыхъ, приймавшихъ въ 1914—15 г.г. отъ золотопекателей песокъ по 3 р. 50 к. за золотикъ. Въ августѣ минувшаго лѣта добытое золото котировалось на китайскомъ берегу по 11 руб. съ копѣйками, въ работѣ по 17-18 рублей.

Общимъ благопріятнымъ условіемъ для эмиграціи русскаго золота отъ вольныхъ добытчиковъ на китайскій берегъ до 1916 г. было существованіе на русской сторонѣ строгой кары, полагавшейся за добычу, безъ соотвѣствующихъ ваявокъ, и сбытъ золота. Въ самомъ дѣлѣ, даже миновавъ дозоры, набѣжавъ пхъ мѣткихъ пуль, каждый добытчикъ, желая продать его на русской сторонѣ, въ силу различныхъ запретительныхъ мѣръ, всегда испытывалъ съ золотомъ на рукахъ затрудненія офціальнаго характера. Вслѣдствіе этого издавна создалась привычка переправлять золото на китайскую сторону.

Такую привычку, въ противовѣсъ существующей легкости пріема золота на китайской сторонѣ, вмѣстѣ съ повышепной тамъ расцѣпкой и легкой возможностью обмѣна на русскія деньги и спиртъ, можно было бы постепенно вывести путемъ широкаго оповѣщенія (на русскомъ, китайскомъ и корейскомъ языкахъ) на русскомъ и китайскомъ побережья (Айгунь, Сахалинъ, Хэйхэ—въ консульствѣ) объ открытіи вольнаго пріема золота. При этомъ расцѣпка золота должна быть всегда нѣсколько выше расцѣпки праваго берега; о состояніи же курса можно почти ежедневно получать бюллетени въ Хэйхэ черезъ посредство особыхъ агентовъ—китайцевъ при русскомъ вице-консульствѣ.

Принимая во вниманіе, что въ пограничныхъ районахъ Гириньской и Хэйлуцзянской провинціи ходячей денежной единицей все такъ является русскій рубль (бумажный или до 1916 года серебряный), что приграничные районы Сѣв. Манджуріи въ размѣрѣ $\frac{3}{4}$ пріобрѣтаемыхъ товаровъ скобяныхъ, мануфактурныхъ, галантерейныхъ, москательныхъ (до 1916 г.), предметовъ хозяйственной утвари, покупаютъ у русскихъ, необходимо замѣтить, что китайскій торговый людъ отъ мелкаго до крупнаго покупателя постоянно нуждается въ русскіихъ деньгахъ. Сосредоточіе же послѣднихъ главнымъ образомъ

находится въ рукахъ туземнаго банка Гуань-синь-гунь-сы (Цицикаръ, Хэйхэ, Хума и др. пунктахъ Сѣв. Маньчжуріи).

Наличіе сравнительно низкой казенной расцѣнки золота на русскомъ берегу, по-очередно содѣйствуя отливу въ Китай русскаго золота, добытаго какъ хищниками, такъ и повидимому нѣкоторыми золотопромышленниками (миѣ называли въ Влговѣщенскѣ г. Т. и другихъ, лично работавшихъ по скупкѣ и отпавкѣ золота въ Китай въ 1914 г., по крайней мѣрѣ до запрета вывоза),—имѣетъ слѣдствіемъ фактъ перекупки и перепродажи золота на китайскую сторону.

Усиленный спросъ на китайской сторонѣ на золото отъ хищниковъ и съ пріежковъ и высокая расцѣнка его въ 1914—16 годахъ, отнюдь не вызывались потребностью внутренняго рынка, ибо основной единицей денежной системы въ Маньчжуріи является до сихъ поръ обычный лань, т. е. $\frac{1}{16}$ ф. китайскаго серебра. Отмѣченные спросъ и повышенная расцѣнка золота на китайской сторонѣ, устраняя какую бы то ни было возможность продажи русскимъ золота съ китайскаго берега, при наличіи низкой русской, всегда отстающей расцѣнки до послѣдняго года указывали организованную скупку золота у китайцевъ кѣмъ-то другимъ. И дѣйствительно, въ 1915 г. въ Хэй-хэ нѣкоторые изъ китайцевъ сообщали миѣ о присутствіи тогда въ Хэй-хэ въ качествѣ «торговцевъ» германскихъ подданныхъ, въ количествѣ до 15 человекъ. Опросныя свѣдѣнія указываютъ, что они и ихъ помощники изъ китайцевъ представляли собой «готовыя руки» по пріемкѣ и направлению золота по маршруту: въ Хэй-хэ, Цицикаръ, Мукденъ, Пекинъ, Шанхай—центр активной дѣятельности Deutsch-Asiatische Bank'a. Возможно, что указанная путь направленія золота имѣлъ мѣсто и по отношенію къ золоту, добываемому съ китайскихъ казенныхъ, такъ называемыхъ Хумарскихъ пріисковъ, гдѣ работаютъ китаецы и корейцы въ коли-

чествѣ до 10,000 человекъ, постоянно смѣняющагося состава; добыча здѣсь золота равняется самое большее 10—12 фунтамъ въ день.

Къ 1917 году условія пріема золота золотосплавочнымъ пунктомъ въ Влговѣщенскѣ и отдѣленіями Государственнаго Банка отъ вольныхъ добытчиковъ были существенно измѣнены, какъ въ смыслѣ устраненія тяжелыхъ для сдатчика официальныхъ, такъ и въ смыслѣ болѣе справедливой повышеніи покупной расцѣнки. Это обстоятельство въ значительной мѣрѣ содѣйствовало притоку въ казну вольно добытаго золота.

Недавнее вступленіе Китая въ число союзниковъ Россіи можетъ, при соответствующемъ отношеніи къ этому, опредѣлить новое положеніе золотого рынка на обоихъ побережьяхъ Амура. Влжайшимъ слѣдствіемъ объявленія Китаемъ войны Германіи было удаленіе съ Китайской службы въ таможенныхъ, монополіяхъ и т. д. германскихъ подданныхъ и, что особенно существенно для даннаго вопроса по добычѣ, направленію и продажѣ золота, закрытіе дѣятельности Deutsch-Asiatische Bank'a въ Пекинѣ и Шанхай съ его официальными и неофициальными отдѣленіями.

Этимъ путемъ устранена или во всякомъ случаѣ сведена до минимума интенсивная работа аппарата, выкачивавшаго русское золото съ Амурской и Зейской системы, сразу пониженъ на китайской сторонѣ спросъ на золото.

При учетѣ благоприятныхъ обстоятельствъ для удержанія и привлеченія добытаго золота на русскую сторону, а также при планомѣрномъ проведеніи нами необходимыхъ для этого мѣръ, эмиграція золота съ Амура можетъ совершенно прекратиться. Доказательствомъ этому могутъ служить многочисленные случаи поступленія минувшимъ лѣтомъ на русскую сторону золота, добытаго на китайской сторонѣ.

А. В. Гребенщиковъ.

Мір усталый.

Над землею ледяною, над пустыней
Словно прирак опьяляй на войнъ,
Бредит мьслц мутно-блмай в полуснъ,
И блднцст ь мутнцет воздух синйй.

Мір усталый! Мір, как скалы, помертвляй,
Что миль дьлатъ в мутном дымъ средь долины?
В сердць искрами живыми жжет рубинъ,
Огневяя, роковыя жалят стрьлы,

И куда я, изливая, брошу пламя?
Мір усталый, ты безмолвенъ, луно-стар,
И тоскуютъ в еердць волны алых чар,
И аккорды, мрачно горды, тают в храмъ.

Мір холодный! Я, подобный урагану,
Жгучим вихрем, быстрым танцем пробьгу,
Смьхи, стоны и багряницы я зажгу
Алой страстью, тайной властью ослянний:

Ф. Камышнюк.

Новые документы по изученію Сѣвернаго Китая.

Донесеніе губернатора объ инспекторскихъ объздахъ провинцій.

I.

Одинъ изъ наболѣвшихъ вопросовъ современнаго Китая—это вопросъ о взаимоотношеніяхъ между центральной властью и провинціями. Обширность китайской территории, разнородность ея состава въ физико-географическомъ отношеніи и въ отношеніи населяющихъ ее народностей даже, въ такъ называемомъ, Собственномъ Китаѣ—все это способствуетъ ослабленію политическихъ связей провинцій съ центромъ, розни ихъ съ центральнымъ правительствомъ и между собою, словомъ, ихъ обособленію и росту въ нихъ сепаратистическихъ стремленій, что, въ свою очередь, явилось всегда и является поныне источникомъ слабости всего государства. Этотъ недостатокъ дѣйствующей системы провинціального управленія, не дающій всему государственному организму единства и крѣпкой связи между центромъ и остальной страной, ясно сознается болѣе дальновидными дѣятелями молодой китайской республики, унаслѣдовавшей пылѣвшій строй провинціального управленія отъ имперіи, и на этой почвѣ возникло стремленіе къ коренной реформѣ существующей организаціи провинціального управленія ради обезпеченія крѣпости всего государственнаго строя и объединенія страны. Но это стремленіе немедленно натолкнулось на противодѣйствіе со стороны болѣе крайнихъ политическихъ теченій, противопоставляющихъ принципу централизаціи, который имѣетъ быть положенъ въ основѣ предполагаемой рефор-

мы, принципіи еще болѣе, чѣмъ нынѣ децентрализаціи, вилоть до предоставленія провинціямъ политической автономіи на федеративныхъ началахъ. Глубокое расхожденіе въ этомъ вопросѣ двухъ главнѣйшихъ китайскихъ политическихъ партій—умѣренной, или цзиньбу-данъ („прогрессистовъ“), и радикальной, или гоминь-данъ („націоналистовъ“), ярко сказалось при выработкѣ постоянной конституціи въ соединенномъ собраніи обѣихъ палатъ китайскаго парламента въ зиму 1916-1917 гг., причемъ невозможность найти компромисное рѣшеніе для относящихся къ этому вопросу статей проекта конституціи даже оставила незаконченной выработку всего проекта и по прежнему открытымъ самый вопросъ о будущей организаціи провинціального управленія.

Однако, въ недавніе годы, уже при республикѣ, была сдѣлана попытка прагматически осуществить реформу провинціального управленія въ духѣ централизаціи въ лицѣ покойнаго президента Юань-Шикая, рѣшительнаго поборника созданія сильнаго и объединеннаго Китая, при чемъ имъ тогда же былъ предпринятъ рядъ подготовительныхъ шаговъ въ сторону усиленія роли и вліянія представителей центральной власти на мѣстахъ. Одной изъ такихъ мѣръ была попытка приблизить губернаторовъ, какъ представителей центральной власти, къ населенію для демонстрировавія на его глазахъ полеченія о немъ правительства и возмож-

пости примиренія мѣстныхъ интересовъ, которыми привыкло исключительно жить населеніе отдѣльныхъ провинцій, и общегосударственныхъ. Подобное желаніе и дало содержаніе декрету отъ 7 января 1915 г., возродившему старинный обычай періодическихъ объѣздовъ ислѣдующимъ представителемъ администраціи, какимъ является губернаторъ въ провинціи (если не считать командующаго войсками), подвѣдомственной ему провинціи для наилучшаго изученія мѣстныхъ условій и скорѣйшаго удовлетворенія народныхъ нуждъ. Донесенія губернаторовъ о результатахъ совершенныхъ ими объѣздахъ и явились тѣми новыми документами, которые послужили темою для предлагаемой статьи.

II.

Исходной точкою послужилъ, какъ сказано, пространный декретъ президента Юань Шикая отъ 7 января 1915 г. 1), съ предписаніемъ, мотивированнымъ ссылками на примѣры изъ глубокой древности, гражданскимъ губернаторамъ (сюбянши) всѣхъ провинцій, какъ замѣстителей въ данномъ случаѣ президента, которому обстоятельству помѣшали при всемъ его желаніи совершить лично объѣздъ всей страны по примѣру древнихъ правителей, — совершить инспекторскіе объѣзды всѣхъ мѣстъ подвѣдомственныхъ имъ провинцій для непосредственнаго ознакомленія съ дѣйствіями подчиненныхъ имъ чиновъ администраціи, въ цѣляхъ искорененія столь частыхъ злоупотребленій, и съ положеніемъ населенія, его нуждами и обидами, которыя, оставаясь неудовлетворенными, могутъ явиться причиною волненій, а также для возвращенія народу истинныхъ благихъ намѣреній правительства въ отношеніи къ нему. При этомъ губернаторамъ внушалось путешествовать съ возможной простотою и не брать съ собою многочисленной свиты во избѣжаніе учиненія ея чинами притѣсненій и поборовъ въ отношеніи къ населенію. Въ тѣхъ же видахъ расходы по объѣзду декретомъ предписывалось относить на средства провинціального казначейства.

1) Китайскій текстъ декрета см. въ Чжаифу-Гунбао (Китайскомъ Правительственномъ Вѣстникѣ), 8 января 1915 г., стр. 2—3; англійскій переводъ — въ Peking Daily News, 9 января 1915 года, стр. 3.

Такой же заботою о правильномъ ходѣ провинціального управленія и улучшеніи благосостоянія народа было подсказано Юань Шикаю и болѣе раннее распоряженіе о присылкѣ ему губернаторами отчетовъ относительно достигнутыхъ отдѣльными провинціями въ предшествовавшемъ (1914) году успѣховъ на различныхъ поприщахъ культурнаго развитія, при чемъ, по прочтеніи отчетовъ, въ своихъ резолюціяхъ Юань Шикай съ особымъ удовлетвореніемъ отмѣтилъ для провинціи Чжили успѣшные результаты административной работы, для провинціи Фуцзяни выдающуюся дѣятельность администраціи по искорененію разбоищества, для провинціи Хэпани, Цзянсу и Аньхуй особые успѣхи по исажденію народнаго образованія и для провинціи Хубэй и прочихъ провинцій по р. Инцзы — то обстоятельство, что эти провинціи удѣляли особое вниманіе дѣлу развитія промышленности².

Въ отвѣтъ на новое предписаніе изъ Пекина къ президенту стали поступать отъ губернаторовъ донесенія съ изложеніемъ всего замѣченнаго ими во время объѣзда (сюнши) подвѣдомственныхъ провинцій. Эти донесенія печатались по мѣрѣ поступленія въ китайскомъ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и, по отзыву издававшегося тогда въ Китаѣ (въ Шанхаѣ) на англійскомъ языкѣ журнала³, могли служить однимъ изъ любопытнѣйшихъ матеріаловъ для чтенія. Нѣкоторые изъ губернаторовъ пытались отнестись къ возложенному на нихъ порученію поверхностно, но рѣзкій отзывъ президента по поводу одного изъ такихъ донесеній побудилъ остальныхъ губернаторовъ быть болѣе внимательными при совершеніи объѣздовъ и составленіи относящихся къ нимъ донесеній. Иппуцему эти строки удалось ознакомиться съ донесеніями этого рода отъ губернаторовъ столичной префектуры и девяти провинцій Собственнаго Китая и въгъ его, именно: Цзянсу, Гуйчжоу, Синьцзина, Хэпани, Цзянси, Чжэцзина, Шэньси, Фуцзяни и Юньнани. Изъ перечисленныхъ донесеній и заимствуется нижеприводимый матеріалъ.

2) См. сообщеніе въ этомъ смыслѣ въ Politique de Peking, 24 января 1915 г., стр. 1.

3) National Review, 5 іюня 1915 г., стр. 404.

Указанныя донесенія не только передають впечатлѣнія ихъ авторовъ касательно современнаго состоянія осматрѣнныхъ провинцій или ихъ частей, но и намѣчаютъ понувно или въ конечномъ выводѣ практическія мѣры къ улучшенію благосостоянія населенія и устраненія нѣкоторыхъ нежелательныхъ явленій, порожденныхъ мѣстными условіями. Отдѣльныя донесенія выдѣляются среди другихъ и большимъ объемомъ, и содержательностью, нерѣдко связанной съ дѣловитостью. Чтобы дать ясное представленіе о характерѣ самихъ донесеній, какъ и о томъ любопытномъ во многихъ отношеніяхъ матеріалѣ, который они заключаютъ и который можетъ быть использованъ для болѣе свѣдливой, чѣмъ обычно, оцѣнки дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ разныхъ китайскихъ провинціяхъ въ настоящее время, пишуцій эти строки считаетъ достаточнымъ привести въ дальнѣйшемъ важнѣйшіе пункты изъ содержанія каждаго донесенія изъ числа бывшихъ въ его распоряженіи. Но необходимо предварительно замѣтить, что та специальная цѣль, которая имѣлась въ виду при организаціи инспекторскихъ объѣздовъ, именно, сблизить населеніе на мѣстахъ съ центральной властью и внушить ему довѣріе къ этой власти, накладываетъ особый отпечатокъ на разсматриваемыя донесенія, какъ въ отношеніи ихъ формы, такъ и содержанія. Это усматривается, между прочимъ, изъ такихъ заявленій, какое встрѣчается въ донесеніи губернатора Цзянсу и почти всѣхъ другихъ губернаторовъ, только въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ: „Я, писецъ помянутый губернаторъ,—во время объѣзда возвѣстилъ благія намѣренія правительства населенію, которое съ величайшей радостью выслушало объ этомъ и выражало полное удовлетвореніе по поводу давно не виданнаго имъ торжества объѣзда. Въ этомъ признаніи заключалось для меня лично, писецъ залѣе губернаторъ, особое утѣшеніе“⁴.

Тѣмъ же желаніемъ произвести благоприятное впечатленіе на инициатора этихъ объѣздовъ³ объясняется употребленіе авторами донесеній стереотипныхъ, ничего не говорящихъ фразъ официаль-

наго оптимизма, въ родѣ того, что, по сообщенію губернаторовъ Цзянсу и столичной префектуры, всюду, гдѣ были, напримѣръ губернаторъ Цзянсу, учащіяся обнаруживали полное прилежаніе къ работамъ, землепашцы со всемъ рвеніемъ отдавались сельскому хозяйству, ремесленники и купцы спокойно занимались своими дѣлами⁵. Но тѣмъ болѣе значительными представляются тѣ конкретныя данныя касательно состоянія отдѣльныхъ провинцій, которыя составляютъ положительную сторону содержанія этихъ донесеній и къ которымъ можно перейти послѣ этого необходимаго поясненія.

III.

Донесеніе губернатора *Цзянсу* Ци Холиня, первое въ хронологическомъ порядкѣ изъ числа разсматриваемыхъ здѣсь, касается 15 городовъ и уѣздовъ, посѣщенныхъ имъ въ теченіе лишь 15 дней, почему его замѣчанія носятъ болѣе или менѣе бѣглый характеръ. Для всѣхъ мѣстностей имъ подчеркивается рвеніе населенія къ просвѣщенію, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этомъ отношеніи достигнута уже болѣе успѣхи; въ другихъ мѣстахъ дѣло задерживается только недостаткомъ средствъ. Далѣе отмѣчается ростъ промышленности, доставляющей заработокъ многимъ тысячамъ бѣднаго люда, но въ то же время указывается упадокъ шелковой промышленности подъ вліяніемъ европейской войны, сократившей вывозъ ея издѣлій. Констатируется еще упорядоченіе полицейскаго дѣла и успѣшная борьба съ помощью полиціи, жандармеріи (цзинцзай-дуй) и сформированной въ 1914 г. милиціи изъ среды самаго населенія противъ разбойничества, этой великой язвы современнаго Китая, какъ, впрочемъ, и при старомъ режимѣ. Подчеркивается также настойчивая работа администраціи и населенія надъ улучшеніемъ орошенія и борьбою противъ наводненій, въ какомъ отношеніи, однако, еще многое остается педѣляемымъ къ прямой угрозѣ безопасности населенія. Въ отношеніи большинства личнаго состава подчиненныхъ органовъ администраціи донесеніе высказывается, какъ прямой отвѣтъ на запросъ президентскаго декрета, въ

⁴) Чжэнфу-гунбао, 13 апрѣля 1915 г., стр. 32 Peking Gazette, 15 апрѣля 1915 г., стр. 3).

⁵) Тамъ же.

благоприятномъ смыслѣ, упоминая однако, про два случая обнаруженныхъ во время объѣзда злоупотребленій служебнаго характера, за которые виновные были немедленно удалены со службы или подверглись иному наказанію⁶.

IV.

Въ столичной префектурѣ губернаторомъ (цзинчжао-инь) по имени Чэнь Цзяньцинъ было посѣщено во время первого объѣзда 10 сѣверо-восточ., уѣздовъ въ теченіе 17 дней. По вопросу о народномъ просвѣщеніи имъ отмѣчается въ донесеніи, что школы имѣются всюду но ощущается недостатокъ въ опытныхъ учителяхъ и денежныхъ средствахъ. Далѣе указывается, что къ реорганизации полиціи уже приступлено (также формируется милиція для самозащиты населенія отъ разбоевъ, дѣшьяхъ уже успѣшные результаты), для облегченія этого дѣла измѣненъ порядокъ отпуска средствъ на эту надобность въ видахъ устраненія вреднаго соревнованія въ этомъ отношеніи между учебнымъ и полицейскимъ вѣдомствами, получавшими ранѣе содержаніе изъ общаго мѣстнаго источника. Менѣе уѣздительныя свѣдѣнія сообщаются о положеніи земледѣльческаго населенія въ связи съ наводненіями, противъ которыхъ еще не ведется планообразной борьбы, почему губернаторомъ предписано уѣздной администраціи принять немедленно мѣры въ этомъ направленіи. Отмѣчается также бѣдственное положеніе бывшаго знаменитаго (манчжурскаго) населенія, ранѣе получавшаго казенный паекъ, почему возбуждено ходатайство передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ оказаніи ему необходимой поддержки. Наряду съ этимъ отмѣчается существованіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ перечисленныхъ въ донесеніи отдѣльныхъ промышленныхъ производствъ, хотя по общему правилу промышленность въ префектурѣ находится въ упадкѣ, не смотря на то что трудъ дешевъ. Въ отношеніи дѣйствій администраціи, губернаторомъ не обнаружено предосудительныхъ поступковъ, за однимъ исключеніемъ; судъ и тюремное вѣдомство

⁶) Китайскій текстъ донесенія губернатора Цзяньцу см. Чжэнфу-Гунбао, 13 апрѣля 1915 г., стр. 31—33. Англійскій переводъ главной части его см. Peking Gazette, 15 апрѣля 1915 г., стр. 3—4.

функционируютъ также правильно⁷, о нихъ имѣется отдѣльный докладъ.

Второй инспекторскій объѣздъ того же губернатора коснулся 10 юго-западныхъ уѣздовъ префектуры и продолжался 16 дней. И въ этихъ уѣздахъ были обнаружены великія ущербы, причиняемыя населенію наводненіями, и необходимость уурядоченія всего дѣла орошенія, порождающаго споры и лишаящаго въ существующемъ видѣ населеніе въ некоторыхъ мѣстностяхъ возможности пользоваться орошеніемъ для своихъ полей. При такихъ условіяхъ вышривительныя работы жизненно необходимы въ интересахъ населенія, и тѣ изъ нихъ, которыя касаются Юндичъ-ха, уже начаты. Губернаторомъ были установлены злоупотребленія пользованіемъ трудомъ рабочихъ на черепичныхъ заводахъ (яоху), низводившія ихъ почти до положенія рабовъ, и приняты мѣры къ устраненію этого явленія и охранѣ рабочихъ. Предположены также мѣры къ присканію заработка рабочимъ, лишившимся работы на мѣстныхъ угольныхъ коняхъ, путемъ отправки ихъ въ чахарскій округъ гдѣ требуются земледѣльчскіе рабочіе. Съ дугой стороны отмѣчается наличие въ разнотравномъ районѣ нѣкоторыхъ зачатковъ промышленности, не получающихъ развитія за отсутствіемъ современной техники, почему мѣстные природныя ресурсы оказываются не использованными въ достаточной мѣрѣ. Въ этомъ направленіи уже даны указанія мѣстной администраціи въ смыслѣ организашіи ею показательныхъ промышленныхъ мастерскихъ. Великимъ зломъ и этого района являются разбои; единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ ихъ искорененію, по мнѣнію губернатора, является распространеніе просвѣщенія, но этому препятствуетъ недостатокъ учительскаго персонала и денежныхъ средствъ; однако, уже теперь имѣется нѣсколько успѣшно работающихъ среднихъ и низшихъ школъ⁸.

⁷) Китайскій текстъ по плану донесенія губернатора столичной префектуры см. въ Чжэнфу-Гунбао, 27 апрѣля 1915 г., стр. 27—29; англійскій переводъ дается въ Peking Gazette, 28 апрѣля 1915 г., стр. 3—4.

⁸) Китайскій текстъ второго донесенія губернатора столичной префектуры см. въ Чжэнфу-Гунбао, 11 іюня 1915 г., стр. 13—15. Англійскій переводъ см. въ Peking Gazette, 15 іюня 1915 г., стр. 3—4.

Губернаторъ провинціи Гуйчжоу по имени Лунъ Цзяньчжанъ, на основаніи лично и черезъ другихъ лицъ собранныхъ данныхъ, представилъ пространное и содержательное донесеніе о современномъ состояніи и нуждахъ подвѣдомственной ему провинціи и о мѣрахъ къ ихъ удовлетворенію, заслуживъ этимъ одобрительную резолюцію президента. Въ своемъ донесеніи губернаторъ отмѣтилъ рядъ отрицательныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ сферѣ политической и экономической жизни провинціи: ухудшеніе личнаго состава администрации и потребность въ опытныхъ и честныхъ чиновникахъ; неотложность судебной реформы и сокращенія множества судебныхъ дѣлъ, накопившихся благодаря судебной волокитѣ и распространенію сугубничества среди населенія; необходимость борьбы противъ разбойниковъ и прочихъ преступниковъ черезъ организацію милиціи; необходимость мѣръ къ устраненію финансоваго кризиса въ провинціи, порожденнаго избыткомъ бумажныхъ денегъ на рынкѣ и затруднительнымъ положеніемъ провинціальнаго казнъ чейства черезъ повышение и реорганизацію налоговъ. Недостатокъ школъ, по мнѣнію губернатора, повелительно требуетъ устройства новыхъ школъ для широкаго распространенія образованія. Въ отношеніи экономической жизни провинціи донесеніе подчеркиваетъ необходимость поощренія промышленности ради обезпеченія населенію новыхъ достаточныхъ заработковъ, въ чемъ ощущается настоятельная нужда. Въ видахъ поднятія промышленности и черезъ это благосостоянія населенія губернаторомъ рекомендуется рядъ мѣръ, могущихъ быть осуществленными немедленно: насажденіе образованія, поощреніе разведенія дикаго шелкопрячаго червя и связанной съ этимъ промышленности, культивированіе хлопка; обработка пустынныхъ земель; поощреніе скотоводства и казеннаго горнаго промысла, наконецъ, введеніе банковъ. Помимо этихъ мѣръ, губернаторомъ перечисляются и другія, осуществленіе которыхъ имъ относится на будущее, именно: мѣры къ улучшенію судоходства черезъ переустройство и выправленіе водныхъ путей, поощре-

ніе частной предпримчивости въ горномъ дѣлѣ, учрежденіе высшаго горнаго училища, облѣсительныя работы, увеличеніе отпускной торговли провинціи⁹.

VI

Губернаторъ отдаленной Синьцзянской провинціи Янъ Цзянсинъ прислалъ нѣсколько донесеній относительно послѣдовательныхъ объѣздовъ отдѣльныхъ частей его провинціи, совершенныхъ подчиненными ему чинами по его порученію и съ разрѣшенія президента, слѣдствіе невозможности для него лично совершить объѣздъ всей провинціи по причинѣ, какъ указывается въ этомъ и слѣдующемъ донесеніи, ея обширности и дѣятельности тайныхъ обществъ, что дѣлаетъ нецѣлесообразнымъ для ея губернатора уѣзжать далеко изъ провинціальной столицы. Пишущему эти строки удалось ознакомиться съ двумя такими донесеніями. Въ одномъ изъ нихъ содержится краткій докладъ относительно объѣзда однимъ изъ высшихъ чиновъ провинціальной администраціи, бывшимъ начальникомъ финансоваго отдѣла, по имени Хуанъ Лицзюномъ, сѣверной части провинціи, въ частности уѣздовъ Чанцзи (на сѣверъ отъ Урумчи), Суйлай (Манасъ), Усу (Куркара-усу) и Тачэнъ (Тарбагатай). Настоящій объѣздъ показалъ, что въ этихъ бѣдныхъ населеніемъ и природными ресурсами мѣстностяхъ широко развитъ разбойничій промыселъ, съ которымъ, впрочемъ, мѣстная администрація, по словамъ доклада, усиленно борется; дѣятельность тайныхъ обществъ (хуйфэй) также составляетъ тревожный симптомъ. Но чины администраціи вплоть до низшихъ не вызываютъ противъ себя нареканий ни въ своей судебной, ни административной дѣятельности; немногіе изъ нихъ, замѣченные въ служебныхъ проступкахъ, устранены инспектировавшимъ, имѣвшимъ специальное порученіе отъ губернатора провѣрить ихъ служебную дѣятельность, столь ответственную предъ лицомъ развитой дѣя-

9) Китайскій текстъ донесенія губернатора Гуйчжоу см. въ Чжэнфу-Гунбао, 6 мая 1915 г. стр. 16—34, со статистическимъ приложеніемъ (относится къ школьному дѣлу въ провинціи), аягійское краткое изложеніе дается въ Peking Gazette, 7 мая 1915 г. стр. 3—4.

тельности разбойничьих шаекъ и тайныхъ обществъ¹⁰⁾.

Второе, нѣсколько болѣе пространное донесеніе касалось результатовъ объѣзда другимъ должностнымъ лицомъ — Пэнъ Сюйчаномъ, важныхъ уѣздовъ той же провинціи: Яньци (Карашарь), Вэйли, Ноцянь (Лобноръ) и Лунтай (на пути между Карашарьомъ и Куча) что потребовало отъ него 3 мѣсяцевъ пути, хотя имъ было посѣщено только 4 уѣзда. Подобно предыдущему, настоящее донесеніе отмѣчаетъ ранѣе усиленную дѣятельность въ этомъ районѣ преступныхъ элементовъ, въ томъ числѣ членовъ тайныхъ обществъ, нынѣ въ значительной мѣрѣ подавленную, что позволило въ свою очередь мѣстнымъ представителямъ администраціи приступить къ осуществленію полезныхъ мѣропріятій въ родѣ слѣдующихъ: устройству орошенія, въ которомъ ощущается крайняя нужда въ этихъ безводныхъ мѣстностяхъ для развитія земледѣлія, въ Лобнорскомъ округѣ, въ чемъ прежній составъ администраціи потерпѣлъ полную неудачу, не смотря на затрату сотенъ тысячъ; новой республиканской администраціи удалось также реорганизовать фабрики для обработки шерсти и волоса, ранѣе дававшія одни убытки. Въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ дѣлѣ искорененія культуры мака проявились хорошія качества мѣстнаго административнаго персонала, въ отношеніи котораго инспектирующимъ не было обнаружено ни одного проступка служебнаго характера.

Въ заключеніе губернаторомъ сообщается, что объѣздъ остальныхъ уѣздовъ: Куча (Куча), Шая (Шахъяръ), Байчэнъ (Бай), Вэньшу (Аксу), Уши (Учъ-Турфанъ) и Агэсу возложенъ на даоиня Чжу Жуйчи, отъ котораго донесенія еще не поступило; напротивъ, какъ видно изъ донесенія, ранѣе былъ представленъ губернаторомъ президенту докладъ Хуанъ Цзунхая относительно объѣзда имъ восточныхъ уѣздовъ провинціи¹¹⁾.

¹⁰⁾ Китайскій текстъ донесенія Сяньцзянскаго губернатора съ докладомъ Хуанъ Личжуна см. Чжонфу-Гунбао, 5 мая 1915, стр. 21-22, англійскій переводъ данъ въ Peking Gazette, 7 мая 1915 г., стр. 5.

¹¹⁾ Китайскій текстъ донесенія Сяньцзянскаго губернатора съ докладомъ Пэнъ Сюйчжана см. Чжонфу-Гунбао, 26 сентября 1915 г.

Въ Цзянси губернаторомъ Ци Яномъ было посѣщено первоначально 5 уѣздовъ, при чемъ вслѣдствіе онъ тщательно вникалъ, какъ видно изъ донесенія, въ существующее положеніе дѣлъ, тѣмъ болѣе требовавшее отъ него вниманія, что провинція испытала много потрясеній со времени революціи, и на мѣстѣ же дѣлалъ распоряженія относительно устраненія замѣченныхъ имъ недочетовъ, чѣмъ снискалъ похвальную отмѣтку президента на своемъ донесеніи. Такъ, въ уѣздѣ Фоулинь онъ тщательно изучалъ современное состояніе крупной фарфоровой промышленности въ городѣ Цзиндэ-чжонъ, начавшей приходить въ упадокъ благодаря конкуренціи заграничныхъ издѣлій, что грозитъ безпорядками со стороны 300,000 слишкомъ рабочихъ, и другихъ лицъ, занятыхъ въ этой и чайной промышленности и уже теперь недующихъ себя безпокойно. Въ уѣздѣ Юйганъ губернаторъ обратилъ вниманіе на необходимость развить угольные копи въ Уцзянѣ, дающія лучшей уголь въ мірѣ, черезъ примѣненіе усовершенствованныхъ машинъ, постройку желѣзной дороги и увеличеніе капитала на 300,000 долларовъ. Въ уѣздѣ Лапинъ онъ принялъ мѣры къ искорененію наслѣдственныхъ ссоръ среди мѣстнаго невѣжественнаго населенія, и противъ чего лучшимъ средствомъ онъ считаетъ насажденіе образованія. Въ уѣздѣ Поянь онъ намѣтилъ новый источникъ дохода въ пользу казны черезъ обложеніе налогами широко развитаго здѣсь среди населенія сбора промысла по сбору тростника въ озерѣ Поянь, служащаго въ качествѣ удобренія и топлива. Въ уѣздѣ Ваньянь губернаторомъ отмѣчается въ донесеніи похвальная дѣятельность начальника уѣзда, уничтожившаго болѣе 40 мятежниковъ (туфэй), завершивъ тѣмъ „чистку страны цинь-сянь“ (баоэй-туань) главари мятежниковъ — „лже-императрица (хуаньянь) Лэйли и ея братъ Лэй Байфу были допрошены лично губернаторомъ, который добился затѣмъ отъ командующаго войсками провинціи немедленной казни обоихъ на мѣстѣ¹²⁾.

стр. 24-25, англійскій переводъ приведенъ въ Peking Gazette, 30 сент. 1915, стр. 4.

¹²⁾ Китайскій текстъ донесенія Цианскаго

УШ.

Хнанскій губернаторъ Цянъ Ваньцъ представилъ одно изъ наиболѣе содержательныхъ донесеній изъ числа всѣхъ, рассмотрѣнныхъ пипунимъ эти строки, тѣмъ болѣе, что его инспекторскій объѣздъ охватилъ свыше 40 уѣздовъ. Это подтверждается и одобригательною оцѣнкою президентомъ его донесенія. За послѣднiе годы, по заявленiю губернатора, Хнанская провинцiя испытала большiя потрясенiя и раззоренiе отъ мятежныхъ и разбойничьихъ шаекъ, только энергичными мѣрами администрацiи удалось очистить провинцiю отъ этихъ преступныхъ элементовъ.¹³⁾ Тѣмъ не менѣе населенiе понявъ не оправилось отъ пережитыхъ страданiй и для облегченiя его положенiя необходимо, по мнѣнiю губернатора, поощрять на мѣстахъ промышленность и образованiе.

Вслѣдствiе того, что казна не располагаетъ потребными для этой дѣли средствами, тѣмъ болѣе иллотворной оказывается въ этомъ дѣлѣ частная инициатива. Донесенiе перечисляетъ затѣмъ просвѣтительныя учрежденiя, возникшия трудами мѣстнаго именитаго сословiя и чиновничества, вплоть до созданiя ими начальныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ имѣется нынѣ болѣе сотни просвѣтительныхъ учреждений. Постановка дѣла въ нихъ хороша, преподавательскiй персоналъ опытенъ, и губернаторъ во время настоящаго объѣзда удостоилъ награжденiя лучшихъ изъ нихъ. Промышленность въ край необходима, такъ какъ провинцiя чрезвычайно богата природными ресурсами, вособенности полезными ископаемыми, остается лишь дать движенiе этимъ богатствамъ. Иностранцы уже сдѣлали это въ широкой степени въ отношенiи горнаго дѣла, необходимо дѣлать то же самимъ китайцамъ. Начало фабричной промышленности уже положено въ рядѣ уѣздовъ и уѣздныхъ городовъ, какъ перечисляется въ донесенiи, отмѣчающемъ въ

частности развитiе шелковой промышленности. Особое вниманiе было обращено губернаторомъ во время объѣзда на дѣла, связанныя съ облѣсенiемъ, орошенiемъ и соляной промышленностью. Донесенiе перечисляетъ все, что сдѣлано въ этомъ направленiи, останавливаясь подробно на выполненныхъ уже облѣсительныхъ работахъ и предпринятыхъ выправительныхъ работахъ, какъ предупредительныхъ мѣръ противъ наводненiй и для улучшенiя орошенiя.

Послѣ этого донесенiе переходитъ къ вопросу о дѣятельности мятежныхъ и разбойничьихъ шаекъ, усильной борьбы съ ними черезъ организацiю жандармскаго корпуса и милицiи.

Дѣятельность мятежниковъ и своеволье войскъ довели населенiе провинцiи до плачевнаго состоянiя; это побудило губернатора сдѣлать распоряженiе о соблюденiи войсками строжайшей дисциплины и о настойчивомъ подавленiи оставшихся разбойниковъ и прочихъ преступныхъ элементовъ и всемѣрно поддержать тѣхъ представителей провинцiальной администрацiи, которые продолжали выполнять свой долгъ даже предъ угрозами со стороны мятежниковъ.

Въ заключенiе донесенiе указываетъ, что во исполненiе предписанiй декрета губернаторъ совершалъ объѣзды лишь съ малымъ числомъ провожатыхъ, которымъ при этомъ было строжайше воспрещено принимать что либо отъ населенiя. Во время объѣзда губернаторъ разъяснял населенiю благiя намѣренiя правительства, и оно радостно приветствовало его прибитiе, при чемъ всѣ отъ мала до велика сбѣгались встрѣчать именитаго гостя¹⁴⁾ въ лицѣ старѣйшинъ.

ИХ.

И. д. Чжэцзянскаго губернатора Цюй Ингуанъ во второмъ донесенiи (первое касалось объѣзда имъ уѣзда Хайнинъ и другихъ уѣздовъ, но оно осталось неизвѣстнымъ для пипуншаго эти строки) сообщилъ о посѣщенiи имъ въ этотъ разъ уѣздовъ Ханъ, Тунлу и другихъ. На всемъ пути онъ, какъ и въ первый свой объѣздъ, устраивалъ собранiя именитыхъ гражданъ и передавалъ имъ добрыя пожеланiя отъ имени правительства; инспектировалъ промышленныя заведе-

скаго губернатора см. Чжэнфу-Гунбао, 14-го мая 1915 г., стр. 26—28. Англiйскiй переводъ нанъ въ Peking Gazette, 17 мая 1915, стр. 3.

¹³⁾ Подробный отчетъ того же губернатора объ этой «чисткѣ провинцiи (цзинсянъ)», см. Чжэнфу-Гунбао, 11 мая 1915 г., стр. 28—30 (китайскiй текстъ), и Peking Gazette, 13 мая 1915, стр. 3—4 (англiйскiй переводъ).

пля и фабрики, обращаясь съ рѣчами къ учащимся и другимъ группамъ населенія. Какъ видно изъ его донесенія, въ районѣ близъ провинціальной столицы населеніе и просвѣщеніе и находится въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, чѣмъ въ отдаленныхъ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ обитатели невѣжественны и простодушны, почему рѣчи къ нимъ губернатора о необходимости сотрудничества всѣхъ гражданъ для того, чтобы сдѣлать страну крѣпкой и могущественной, не сразу были поняты ими. Даже въ болѣе плодородныхъ мѣстностяхъ понемногу сохранились слѣды опустошеній, произведенныхъ тайпийскимъ востаніемъ, и рѣдкое населеніе въ нихъ въ большинствѣ является пришлымъ изъ другихъ провинцій; торговый и промышленный классы также родомъ изъ другихъ большихъ городовъ Чжэцзянской провинціи или изъ другихъ провинцій. Уѣзды близъ провинціальной столицы гуще населены, такъ какъ здѣсь легче добывать себѣ пропитаніе, хотя сама столица не такъ процвѣтаетъ, города Нинбо и Шаосинь. Въ уѣздныхъ городахъ имѣется много колледжей и прочихъ школъ, но, за недостаткомъ средствъ, учебное дѣло развито недостаточно и не можетъ идти въ сравненіе съ положеніемъ его въ провинціальной столицѣ. Въ сельскихъ мѣстностяхъ хорошихъ школъ немного, и губернаторъ далъ инструкцію мѣстной администраціи оказывать содѣйствіе ихъ преобразованію.

Промышленное развитіе провинціи слабо прогрессируетъ, даже, напротивъ, существующія промышленныя производства пришли въ упадокъ; чтобы дать толчекъ къ ихъ возрожденію, губернаторомъ устроена въ Хайнинь образцовая шелковая мастерская, а для доставленія труда безработнымъ, открыты ремесленные мастерскія (пинминь-синсо). Дѣятельность чиновъ мѣстной администраціи не вызываетъ нареканій, судъ функціонируетъ правильно, приступлено къ реформѣ тюремнаго дѣла, въ частности къ доставленію труда и образованія заключеннымъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ полезныхъ гражданъ. Благо-

даря сформированію милиціи разбои почти прекратились.

Въ заключеніе донесеніе приводитъ перечень необходимыхъ къ осуществленію и отчасти уже начатыхъ осуществленіемъ мѣропріятій, начиная съ работъ по упорядоченію орошенія въ западномъ Чжэцзянѣ и по выправленію рѣкъ здѣсь и въ другихъ мѣстностяхъ провинціи; немедленное исправленіе морской плотины въ Хайнинь; организція для безработныхъ общественныхъ работъ по расчисткѣ Западнаго озера, обмелѣваго за послѣдніе годы и не дающаго достаточно воды для орошенія; обязательныя работы въ гористыхъ мѣстностяхъ, къ чему уже приступлено; постройка дорогъ въ разныхъ мѣстностяхъ, отъ чего зависитъ ихъ будущій экономическій ростъ. Передъ тайпийскимъ востаніемъ дорогъ было много и онѣ содержались въ хорошемъ состояніи, но послѣ этого востанія, истебившаго почти все населеніе, дороги, не будучи исправляемы, пришли въ упадокъ. Нынѣ всѣмъ чинамъ администраціи предписано склонять именинное сословіе къ исправленію и постройкѣ на мѣстныя средства дорогъ. Изъ мѣстныхъ же источниковъ должны покрываться затраты на устройство школъ и созданіе промышленныхъ предпріятій, и только въ бѣдныхъ мѣстностяхъ губернаторомъ обѣщано выдавать пособія изъ провинціального казначейства на школьное дѣло, пребывающее въ отсталомъ состояніи за недостаткомъ средствъ. За оба уѣзда губернаторомъ были посѣщены 21 уѣздъ въ западной части Чжэцзяна ¹⁵⁾.

Слѣдующее, весьма пространное донесеніе того же и д. губернатора Чжэцзяна касалось объѣзда имъ другой части провинціи—уѣздовъ, входящихъ въ составъ бывшаго округа (дао) Цзиньцуйинь. И на этотъ разъ онъ созывалъ всюду мѣстныхъ именитыхъ гражданъ и старѣйшинъ для ознакомленія ихъ съ видами правительства и выясненія ихъ дѣйствительныхъ нуждъ. Повсемѣстно онъ оказывалъ поощреніе просвѣдательнымъ и промышленнымъ начинаніямъ;

¹⁴⁾ Китайскій текстъ донесенія Хэнаньскаго губернатора см. въ Чжэнфу-Гунбао, 19 мая 1915 г., стр. 21—23 англійскій переводъ дается въ Peking Gazette, 20 мая 1915 г. стр. 3—4.

¹⁵⁾ Китайскій текстъ донесенія и. д. Чжэцзянскаго губернатора см. Чжэнфу-Гунбао, 11 июня 1915 г., стр. 19—24. Англійскій переводъ помѣщенъ въ Peking Gazette, 12 июня 1915, стр. 4 и 14 июня, стр. 3.

его сопровождалъ специалистъ по облѣсительному дѣлу Лань Даоинъ для организаціи бесѣдъ о пользѣ облѣсенія. Эти бесѣды производили глубокое впечатлѣніе на слушателей, которые пропикались изъ нихъ убѣжденіемъ въ великомъ ущербѣ, причиняемомъ истребленіемъ лѣсовъ. Попугно губернаторомъ оказывались помощи населенію, пострадавшему отъ засухи.

Въ дачѣтѣйшемъ допесеніе даетъ характеристику отдѣльных посѣщенныхъ губернаторомъ мѣстъ: районъ бывшаго округа Янь экономически процвѣтаетъ, но населеніе его невѣжественно и не въ состояніи извлекать всей пользы изъ природныхъ ресурсовъ, которыми онъ богатъ, склонно къ насильственнымъ поступкамъ и разбою. Въ районѣ бывшаго округа Цюй изобилуютъ бамбуковыми роцци, дормиція населеніе тѣми издѣліями, которыя отъ нихъ получаютъ для вывоза (напримѣръ, бумага); но невѣжество населенія въ отношеніи техники не позволяетъ ему выработывать лучшія издѣлія (выстїи сорта бумага). Въ округѣ Цзинь обитатели двухъ уѣздовъ славятся, какъ хорошіе воины, третій уѣздъ Цзиньхуа даетъ рисъ и другія сельско-хозяйственные произведенія и славится окуроками, въ остальныхъ горныхъ уѣздахъ населеніе бѣднѣе. Школьное дѣло въ этомъ районѣ находится въ многообѣщающемъ положеніи: въ одномъ уѣздѣ Ланьци болѣе 300 школъ для мальчиковъ и дѣвочекъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, губернаторомъ даны указанія о необходимости развить школьное дѣло, какъ и промышленность, судебное дѣло и прочія отрасли мѣстной жизни и хозяйства. Въ бесѣдахъ со старшинами губернаторъ подарками и ласковыми рѣчами старался внушить имъ преданность правительству, и они въ отвѣтъ выразили свою признательность президенту и заявили о томъ, что приложатъ всѣ старанія, чтобы побудить молодежь быть лояльной.

Въ заключеніе и это допесеніе предлагаетъ осуществленіе слѣдующихъ мѣръ въ улучшенію состоянія населенія:

1) Улучшить охрану порядка и спокойствія въ провинціи. Необходимость въ этомъ обусловлена тѣмъ, что ра-квиртованныя нынѣ въ ней воинскія ча-

сти недостаточно для этой цѣли многочисленны, такъ какъ горы доставляютъ прекрасное убѣжище для преступниковъ; губернаторъ уже сдѣлалъ распоряженіе объ увеличеніи численности войскъ и о распространеніи на другіе водные пути провинціи дѣятельности сформированной въ предшествовавшемъ году рѣчной полиціи.

2) Улучшить пути сообщенія. Сухопутныя дороги находятся въ столь плохомъ состояніи, что иногда требуется нѣсколько дней для проѣзда нѣсколькихъ десятковъ ли. Судоходство по рѣкамъ затрудняется порогами. Въ связи съ этимъ губернаторомъ отдало предписаніе мѣстной администраціи заняться ремонтомъ и постройкою сухопутныхъ дорогъ и возбуждаетъ ходатайство передъ министромъ путей сообщенія объ открытіи во всѣхъ уѣздныхъ городахъ провинціи телеграфныхъ отдѣленій и о постройкѣ Чанъюйской ж. д.

3) Поощрять промышленность черезъ введеніе улучшенныхъ приемовъ изготовленія окуроковъ и другихъ пользующихся широкой извѣстностью произведеній провинціи и расширеніе чайной культуры; усроить бумажныя фабрики, оказывать поощреніе облѣсительнымъ работамъ и для этого открыть школу облѣсительнаго дѣла и произвести перепись владѣнныхъ пустующихъ земель, пригодныхъ для облѣсенія. Губернаторъ уже выдалъ по собственной инициативѣ казенныя пособія на промышленныя надобности и въ тѣхъ же видахъ предписалъ болѣе богатымъ уѣздамъ изыскать на мѣстѣ средства для оказанія помощи бѣднымъ уѣздамъ на развитіе промышленности. Въ этотъ объѣздъ инспектирующимъ было пройдено болѣе 3000 ли въ 20 дней¹⁶⁾.

X.

Допесеніе *Шэньсийскаго* губернатора Люй Тяоюаня сообщаетъ свѣдѣнія о совершенномъ имъ объѣздѣ свыше 31 уѣзда округа Гушьяжуи на прогнѣніи 3000 ли въ 50 дней, съ двукратнымъ переходомъ черезъ горы Цинь. Въ посѣщенныхъ мѣстахъ губернаторъ на со-

¹⁶⁾ Китайскій текстъ допесенія (позднѣйшаго) и. д. Чжаоцзинскаго губернатора см. Чжаофу-Гунбао, 26 іюля 1915 г., стр. 18—20. Английскій переводъ помѣщенъ въ Peking Gazette, 29 и 30 іюля 1915 г. стр. 3—4.

раніяхъ жителей всѣхъ яваній разъясняли ихъ обязанности гражданъ и благія намѣренія президента въ отношеніи къ народу. На пути онъ послалъ впередъ агентовъ для выясненія скрытыхъ страданій населенія и истиннаго положенія его, чтобы имѣть возможность оказать ему по приѣздѣ надлежащую помощь.

Само донесеніе описываетъ бѣдственное положеніе провинціи за послѣдніе годы, такъ какъ послѣ потрясенія, вызваннаго революціей, провинція подверглась нашествію Бѣлаго Волка. Попыткі мятежники и разбойники встрѣчаются всюду. Въ первый свой уѣздъ, совершенный по уѣздамъ къ сѣверу отъ р. Вэй, губернатору пришлось имѣть дѣло съ мятежниками „Большого ножа“, въ этотъ разъ онъ судилъ и казнилъ мятежниковъ въ разныхъ городахъ южной Шаньси, въ частности въ уѣздѣ Хяньчжунъ, который по своему положенію на границахъ Сычуани и Хубэй является излюбленнымъ мѣстомъ сборища наиболѣе извѣстныхъ туфэй. Населеніе ради самообороны охотно организуетъ изъ своей среды милицію и тамъ, гдѣ она дѣйствуетъ, преступныхъ элементовъ нинѣ стало несравненно меньше. Губернаторъ произвелъ смотръ мѣстнымъ отрядамъ милиціи и остался особенно доволенъ образцовой выправкою и дисциплинированностью ея въ уѣздѣ Аньканъ. Съ помощію милиціи работа по „чиствкѣ страны“ быстро подвигается впередъ.

Благодаря достигнутому замиренію провинціи настала пора для обезпеченія надлежащей работы на мѣстахъ администраціи черезъ привлеченіе въ ея составъ опытныхъ чиновниковъ. Послѣ революціи большинство должностей было занято людьми буйнаго нрава, и положеніе провинціи оказалось многимъ хуже, чѣмъ при прежней Цинской династіи. Послѣ изданія декрета о воспрещеніи чиновникамъ служить въ родной провинціи наступило значительное улучшеніе. При объѣздѣ губернаторъ производитъ разслѣдованіе правдивности качества чиновъ мѣстной администраціи и однихъ изъ нихъ представилъ къ награждѣ, другихъ къ взысканію. Одновременно губернаторомъ было внушено населенію о необходимости исправнаго

платежа податей и поддержки внутреннихъ займовъ и важности народнаго трудолюбія, а также истолкованы всѣ трудности, связанныя съ сношеніями Китая и иностранныхъ державъ.

Въ дальнѣйшемъ донесенія приводятъ краткія характеристики отдѣльныхъ посѣщенныхъ губернаторомъ мѣстностей: округа Гуаньчжунъ съ его плодородной почвою, гдѣ имъ наблюдались картины высокаго народнаго благосостоянія: города Хяньчжунъ, который, какъ и его округъ, занимаетъ гористую мѣстность отличаясь этимъ отъ перваго округа, но и здѣсь имѣются богатѣйшіе уѣзды. Впрочемъ, въ уѣздѣ Фынъ и другихъ много горъ, и населеніе только приступаетъ къ разработкѣ пустыющихъ земель; здѣсь жизненный уровень жителей низокъ и нравы весьма распушены, почему губернаторомъ даны указанія представителямъ мѣстной администраціи заняться социальнымъ реформированіемъ народа.

Въ отношеніи просвѣщенія и промышленности главное затрудненіе заключается въ недостаткѣ средствъ, тѣмъ не менѣе, кромѣ начальныхъ школъ, имѣются школы промышленности, также нѣсколько шелководныхъ. Въ виду того, что эта провинція земледѣльческая, губернаторъ далъ инструкцію чинамъ администраціи поощрять устройство земледѣльческихъ школъ. Для поощренія промышленности губернаторъ настаиваетъ на реформированіи системы сельскохозяйственной культуры, производства лака, чая и т. д.; предлагаетъ измѣнить горный уставъ въ цѣляхъ приспособленія его къ особымъ мѣстнымъ условіямъ, ибо при нынѣшнихъ условіяхъ тамъ, гдѣ имѣются большія горныя богатства, какъ, напримѣръ, въ уѣздѣ Ханьчжунъ, они не разрабатываются за недостаткомъ капиталовъ и путей сообщенія. Между тѣмъ, развитіе горнаго дѣла доставитъ большому числу людей пропитаніе и уменьшитъ разбой. Для возмѣщенія населенію матеріальныхъ потерь отъ прекращенія культуры мака, губернаторъ преподать ему совѣтъ расширить производство лака и льна, указавъ при этомъ, что чай и лакъ, производимые въ гористыхъ мѣстностяхъ, могутъ быть значительно улучшены по качеству; то же надлежитъ сказать и о

шелкъ. Съ этой цѣлью въ Ханьчжунѣ, по его мнѣнію, слѣдуетъ устроить нѣсколько образцовыхъ мастерскихъ.

Вышеприведенное донесеніе также удостоилось одобренія президента и, въ частности, его предположеніе объ улучшеніи администраціи черезъ назначеніе болѣе добросовѣстныхъ чиновниковъ резолюціей президента постановлено исполнить¹⁷.

Дальнѣйшаго объѣзда провинціи губернаторъ не могъ продолжать — за накопленіемъ служебныхъ дѣлъ, почему онъ поручилъ начальнику округа (даоиню) Юйлянъ У Типси совершить вмѣсто него объѣздъ подѣломства ему округа, съ возложеніемъ на него обязанности освѣдомить населеніе о добрыхъ чувствахъ къ нему центрального правительства, а также удостовѣриться въ томъ, насколько удовлетворительно мѣстные чиновники выполняютъ свои обязанности, въ какой мѣрѣ мѣстное населеніе получаетъ удовлетвореніе своихъ нуждъ, достигнуто ли обузданіе разбойниковъ и туфэй, соблюдаются ли запретительныя постановленія противъ опиума, улучшилась ли организація милиціи и полицейскихъ силъ, наконецъ, поощряются ли промышленность и народное образованіе. О результатахъ выполненнаго объѣзда даоинь представилъ отчетъ, который и далъ содержаніе донесенію губернатора, приводимому здѣсь. Въ этомъ донесеніи, относящемся къ слѣдующему 1916 году, появляются уже новыя ноты благодаря происшедшему въ промежуткѣ избранію президента Юань Шика въ императоры.

Помянутый даоинь сперва объѣхалъ восточную половину своего округа, затративъ на это путешествіе въ 1300 ли слишкомъ около мѣсяца, такъ какъ эти пограничныя мѣста, славныя въ исторіи войнами между китайцами и монголами при Минской династіи, изобилуютъ горными проходами и лѣсами. Историческое прошлое этой страны связывается и въ воинственномъ духѣ современныхъ обитателей сихъ мѣстъ. По возвращеніи въ городъ Юйлинъ, даоинь отправился въ объѣздъ западной половины округа, гдѣ также происходили въ

прошломъ историческія событія военнаго значенія. Всюду, гдѣ даоинь проѣзжалъ, онъ созывалъ старѣйшинъ, а въ городахъ населеніе и возвышалъ присутствовавшимъ добродѣтели вновь избраннаго императора, и населеніе выражало въ отвѣтъ признательность за его милости къ себѣ. Въ отношеніи народныхъ пуждъ инспектирующему было единогласно заявлено населеніемъ, что со времени революціи 1911 года мѣстные преступные элементы (туфэй) приобрѣли большую силу въ разныхъ мѣстахъ, почему торговли и земледѣліе ушли. Въ окраинныхъ пограничныхъ уѣздахъ, живущихъ торговлею съ Монголіей, торговля сократилась вслѣдствіе плохого урожая въ Монголіи, откуда эти уѣзды получаютъ хлѣбъ, поэтому положеніе этихъ уѣздовъ плачевное.

Переходя къ вопросу касательно администраціи, отчетъ даоиня указывалъ, что большинство уѣздныхъ начальниковъ выполняютъ свои обязанности удовлетворительно и внимательно къ нуждамъ населенія. Народная милиція нынѣ организована въ разныхъ мѣстахъ, и разбойники и туфэй исчезли. Известное улучшеніе достигнуто и въ дѣлѣ организаціи полиціи. Школьное дѣло въ однихъ уѣздахъ развивается, въ другихъ, гдѣ сильны разбои, этого нѣтъ. Педагогическому персоналу внушено прилагать тщаніе къ надзору за учащимися, воспитывать ихъ въ разумныхъ принципахъ и не допускать увлеченія лживыми ученіями.

На основаніи данныхъ отчета, губернаторомъ признано необходимымъ оказать немедленно помощь промышленнымъ предпріятіямъ въ горномъ районѣ на сѣверѣ, гдѣ нынѣ замѣчается улучшеніе въ существующихъ производствахъ и использованіи мѣстныхъ природныхъ ресурсовъ, между тѣмъ, въ трѣхъ, по меньшей мѣрѣ, уѣздахъ здѣсь уже имѣются угольныя копи и, если примѣнить надлежащую технику, эти уѣзды должны разбогатѣть. Три крупнѣйшихъ мѣстныхъ торговыхъ центра — Бяньбао, Валобао, и Шуйдэ-сянь, нуждаются лишь въ надлежащемъ использованіи природныхъ богатствъ. Въ Янчанѣ старыя нефтяныя источники даютъ 20000 фунтовъ масла ежедневно, а при соогиѣтствующемъ техническомъ

¹⁷) Китайскій текстъ донесенія Шэпсіевскаго губернатора см. Чжэнфу-Гунбао, 1 іюля 1915 г., стр. 37—41. Англійскій переводъ помѣщенъ въ Peking Gazette, 3 іюля 1915 г., стр. 3—4.

оборудованіи способны дать 800000 катти въ мѣсяцъ или свыше 7 милліоновъ катти въ годъ. Слѣдовательно, ради улучшенія состоянія провинціи надлежитъ оказывать особое поощреніе промышленности, земледѣлію, торговлѣ и горному дѣлу и изыскать капиталы на устройство фабрикъ и рудняковъ.

Въ пограничныхъ уѣздахъ, гдѣ прежде содержались десетки укрѣпленій, нинѣ гарнизоновъ, какъ заглавнѣе донесеніе, не имѣется вовсе. Между тѣмъ жители этихъ мѣстъ, воспользовавшись тѣмъ, что въ Великой стѣнѣ въ Монголіи имѣются милліоны муу пустующей удобной земли, разселились на 100 и 200 ли по ту сторону Великой стѣны ради обработки этой земли; но такъ какъ для ихъ защиты тамъ не существуетъ никакихъ административныхъ учрежденій, то они подвергаются притѣсненіямъ со стороны монголовъ. Поэтому правительству надлежитъ немедленно назначить туда чиновниковъ и возстановить существовавшую прежде оборону границы. Необходимо также содѣйствовать развитію производства волоса, шьховъ, кожъ, какъ спеціальной мѣстной промышленности, по эти торговля отрасли монополизированы танъсійскими купцами или магомеданцами. Въ большинствѣ посѣщенныхъ уѣздовъ даонинъ нащель общирныя пустующія пространства, почему имъ высказано предложеніе, что, если осуществить планъ переселенія въ эти мѣста, то этимъ удастся ослабить вліяніе преступныхъ массъ, гнѣздящихся здѣсь. Кроме того, въ этомъ районѣ имѣются безчисленныя пастбища, требующія отъ правительства поощренія скотоводства, для обогащенія всего края. Въ заключеніе донесеніе упоминаетъ касательно искорененія культуры мака, что уѣздные начальники исправно выполняютъ свои обязанности въ этомъ дѣлѣ¹⁰.

XI.

Въ провинціи Фуцзянь губернаторъ Сяи Шинъ въ результатѣ своего объѣзда представилъ пространный проектъ реформъ, основанный на собранномъ

имъ лично фактическомъ матеріалѣ. Важнѣйшіе пункты этой программы, могившіе быть въ самомъ донесеніи, сводились къ слѣдующему: 1) Надлежащее управленіе отдѣльными мѣстностями зависить въ значительной мѣрѣ отъ успѣшной службы лично составу администраціи, но эта успѣпность перѣдко нарушается недостаткомъ средствъ, почему начальники уѣздовъ стараются дѣлать возможно меньше, дабы избѣжать увеличенія расходовъ. Отсюда вытекаетъ необходимость повышенія облаговъ содержанія для всѣхъ нихъ, при общемъ расходѣ по этой статьѣ въ 59760 долларовъ. 2) Необходимо создать полицейскую охрану береговыхъ водъ провинціи противъ пиратовъ, столь многочисленныхъ въ этой приморской провинціи, а для этого организовать новую флотилію изъ 10 вооруженныхъ паровыхъ судовъ. Общій расходъ на это выражается въ суммѣ 300.000 долларовъ послѣдовательными годичными взносами. 3) Преобразование острова Туипанъ съ площадью въ 700 кв. ли и населеніемъ въ 80.000 душъ, имѣющаго затруднительное сообщеніе съ материкомъ и лежащимъ ядрѣ административнымъ центромъ для острова, въ самостоятельную административную единицу.

4) Назначеніе въ Авхай, наиболѣе двѣтущій городъ въ уѣздѣ Цзиньцзинъ, помощника начальника уѣзда (сяньцзо), что вызываетъ развитіемъ въ этомъ городѣ торговли и промышленности.

5) Для улучшенія финансовъ провинціи надлежитъ произвести объѣръ обработанныхъ земель, такъ какъ главный доходъ провинціи получается отъ земельного налога. Необходимо также обратить вниманіе на состояніе мѣстнаго солиного и рыболовнаго промысловъ, являющихся важной статьёй възвѣнныхъ доходовъ, для устраненія поводовъ къ жалобамъ промышленниковъ, вызвавшихъ упадокъ этихъ промысловъ.

6) Необходимо произвести реформу судебного дѣла черезъ предоставленіе судебному дознательному лицу (чэншэньюань) полномочія произнесенія приговора въ первой инстанціи на основаніи данныхъ слѣдствія, помимо уѣзднаго начальника, перѣдко отсутствующаго, во избѣжаніе наблюдаемыхъ нинѣ въ судѣ безконечныхъ проволочекъ и запоздаленія

¹⁰ Кигаикій текстъ донесенія Шаньсийскаго губернатора съ отчетомъ даонина У Тинси см. Чжэифу-гуобао, 13 марта 1916 г., стр. 22—27; сокращенный переводъ данъ въ Peking Daily News, 17 марта 1916 г., стр. 5.

дѣлъ; упорядочить тюремное дѣло съ одновременнымъ отпускомъ на эту потребность 20,000 долларовъ; назначить отъ высшаго провинціального суда (годанъ-панъ-панъ-тинъ) особаго судебного ревизора (сыфа-ляоча-юань) для ежегоднаго объѣзда всѣхъ уѣздовъ провинціи въ дѣлахъ наблюденія за порядкомъ управленія правосудія на мѣстахъ.

7) Во время объѣзда губернаторъ убѣдился въ неустроенности и отсталомъ состояніи школьнаго дѣла въ отдаленныхъ уѣздахъ провинціи; его стараніями ежегодный отпускъ на школьное дѣло во всей провинціи увеличенъ съ 400,000 до 479,000 долларовъ и приняты мѣры къ производству точной переписи дѣтей школьнаго возраста, согласно недавнему возванію президента касательно народнаго образованія. Однимъ изъ препятствій къ развитію учебнаго дѣла въ провинціи является существованіе въ ней многочисленныхъ нарѣчій, почему губернаторъ распорядился сдѣлать обязательнымъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ разрядовъ, начиная отъ среднихъ, изученіе мандаринскаго нарѣчія (гокя). Чтобы подготовить путь къ всеобщему обученію, онъ организовалъ родъ лекторскаго корпуса для поѣздокъ по всей провинціи съ цѣлью вынесенія населенію отдаленныхъ мѣстностей основныхъ національныхъ проблемъ.

8) Ради содѣйствія мѣстной промышленности губернаторъ придаетъ особую важность учрежденію промышленнаго банка, равнымъ образомъ признаетъ необходимымъ лучшее отношеніе къ возвращающимся изъ — за границы купцамъ и оказаніе имъ надлежащей охраны, чтобы склонить ихъ къ участию въ развитіи мѣстной промышленности. ¹⁹⁾

ХІІ.

Послѣднимъ документомъ этого рода, бывшимъ въ распоряженіи пишущаго эти строки, является донесеніе губернатора Юнмани, по имени Жэнь Кэлена. Его объѣздъ продолжался 70 дней слишкомъ и охватилъ 16 уѣздовъ. Съ осо-

¹⁹⁾ Китайскій текстъ донесенія Фуцзяньскаго губернатора см. Чжаңфу-Гунбао, 16 августа 1915 г., стр. 20-27; сокращенный китайскій переводъ въ Peking Daily News, 17 августа 1915 года, стр. 4.

бытъ вниманіемъ онъ производилъ разслѣдованіе служебной дѣятельности должностныхъ лицъ, такъ какъ большинство ихъ не отвѣчаетъ своему назначенію. Въ каждомъ уѣздѣ онъ собиралъ именитыхъ гражданъ и остальной народъ для разъясненія имъ положенія страны и ихъ долга по отношенію къ государству, при чемъ убѣдился, что населеніе возмущено дѣйствіями Японіи по отношенію къ Кигаю въ связи съ предъявленными ею въ началѣ 1915 г. требованіями. Въ своихъ бесѣдахъ съ населеніемъ губернаторъ указывалъ ему также на необходимость исправить дурные нравы и самъ строго наказывалъ преступныхъ личностей, подвергая высказанію и начальниковъ жандармеріи, уличенныхъ въ вымогательствахъ. Многочисленность туфэй, по заявленію его, не позволяютъ еще расформировать войска, образованныя изъ бывшей народной арміи (гоминь-цзюнь). Изъ дальнѣйшаго содержанія донесенія видно, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ школьное дѣло прогрессируетъ, въ другихъ наоборотъ; губернаторъ убѣждалъ чиновничество и привилегированные классы трудиться надъ дальнѣйшимъ улучшеніемъ школьнаго дѣла въ своихъ округахъ.

Со времени уничтоженія культуры мака, какъ отмѣчается въ донесеніи, населеніе стало испытывать большія затрудненія въ дѣлѣ изысканія средствъ къ пропитанію; чтобы притти на помощь ему, губернаторъ назначилъ 60% выручки отъ налога на рисъ на поощреніе промышленныхъ предпріятій въ провинціи, съ той же цѣлью онъ приобрѣлъ сѣмена американскаго хлопка для раздачи населенію. При объѣздѣ губернаторомъ было замѣчено, что нѣкоторыя промышленныя заведенія въ уѣздахъ дурно управляютъ и много денегъ тратится ими на наемъ синекурствующихъ служащихъ, почему имъ предписано этимъ заведеніямъ урѣзать всѣ не вызываемыя дѣйствительной надобностью расходы. По вопросу объ орошеніи донесеніе отмѣчаетъ, что въ провинціи оросительной системы не имѣется, но провинціальнымъ отдѣломъ орошенія (шуйли-фынцзюй) примѣнены трубы для орошенія рисовыхъ полей въ Цзинань съ большимъ успѣхомъ, и по желанію губерна-

тора, этот способ, применяется нынѣ въ нѣсколькихъ уѣздахъ. Имъ же приняты мѣры къ улучшенію мѣстныхъ производствъ: бумажныхъ тканей въ Хэси-сянѣ, чая, сахара; на продолженіе работъ въ оловянныхъ рудникахъ въ Гаэцю съ вынужденныхъ сократить добычу вслѣдствіе европейскій войны имъ выдано пособіе изъ казны.

Переходя далѣе къ административнымъ вопросамъ, донесеніе указываетъ, что только въ Гаэцю и Мянцзы полиція хорошо организована, въ другихъ мѣстахъ неудовлетворительно, поэтому она съ успѣхомъ замѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ милиціей. Мѣстами тюрьмы оказались въ совершенно неудовлетворительномъ состояніи, и сдѣлано распоряженіе объ ихъ исправленіи.

Изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ разбойники изловлены и подвергнуты казни черезъ разстрѣлианіе на основаніи закона о наказаніи «туфэй», но въ большинствѣ уѣздовъ уцѣлѣли и разбойники и туфэй, поэтому по соглашенію съ командующимъ войсками рѣшено приступить къ «чисткѣ страны». Для разрѣшенія земельныхъ споровъ къ финансовому вѣдомству обращена просьба о приступѣ къ размежеванію и урегулированію земельныхъ участковъ. Наконецъ, уѣздной администраціи дано предписаніе привести въ исправный видъ дороги²⁰.

Таковы нѣкоторые изъ любопытныхъ документовъ, съ ихъ цѣнными и притомъ малозвѣстными данными относительно современнаго состоянія отдѣльныхъ китайскихъ провинцій или вѣриѣ меньшихъ частей этихъ провинцій, въ томъ видѣ, какъ это состояніе изображается въ официальныхъ донесеніяхъ представителей высшей провинціальной администраціи. Эти правдивыя въ основѣ данныя раскрываютъ широкую картину жизни населенія провинцій, къ которымъ относятся—политической и экономической, поупито затрагивая также

его культурно-бытовья условія. Въ нихъ отражается также полигива центральнаго правительства и его мѣстныхъ органовъ по отношенію къ широкимъ массамъ населенія, проникнутая номинально отеческимъ попеченіемъ и желаніемъ вывести ихъ на широкую дорогу культурнаго процвѣтанія. Но было бы полезно знать, насколько всѣ эти благія намѣренія правительства не только высказываются на словахъ или въ президентскихъ декретахъ, но и практически выполняются. Въ этомъ надлежитъ скорѣе усомниться, такъ какъ сообщенія изъ независимыхъ источниковъ доказываютъ, что на дѣлѣ далеко не все обстоитъ столь благополучно, какъ это утверждаютъ нѣкоторые официальные заявленія (слѣдуетъ, однако, оговориться, что вышеприведенныя губернаторскія донесенія менѣе погрѣшаютъ обычнымъ официальнымъ оптимизмомъ), и что злоупотребленія и хищенія со стороны мѣстной администраціи столь же, если не болѣе, распространены въ Китаѣ при республикѣ, какъ и при прежней имперіи; перемѣнились только лица, а служебныя приемы остались прежніе. Поэтому реформа мѣстнаго управленія и реорганизація всей администраціи въ отношеніи ея личнаго состава нынѣ является столь же неотложнымъ и насущнымъ дѣломъ, какъ немного лѣтъ назадъ, когда Юань Шивай обнародовалъ декретъ отъ 7 января 1915 г., слѣдствіемъ котораго явился рядъ рассмотрѣнныхъ выше донесеній съ мѣстъ, занимающихъ далеко не послѣднее мѣсто среди разныхъ документальныхъ данныхъ по изученію современнаго Китая.

Профессоръ Н. Кюкеръ.

²⁰) Китайскій текстъ донесенія Юньнанскаго губернатора см. Чжэнфу-Гуябао, 23 іюля 1915 г., стр. 22—26. Англійскій сокращенный переводъ помѣщенъ въ Peking Gazette, 2 августа 1915, стр. 3.

* * *

*Я люблю умирающих огненно,
У полу ночи бьющих в набат.
Я люблю, чья душа обездонена,
В ком всегда — и восход, и закат.*

*В чьей души чистый воздух надскальности
Или вихри взъяренных долин —
В голубыя, святыя хрустальности
Крѣпко впрвленнй алыи рубин.*

*Я — горящим жрецам созиданія,
Очарованным — радостный брат!
Я построил алмазныя зданія,
Я сияньем безумья богат.*

Ф. Камышнюк.

Мифическіе „императоры“ Китая и тотемизмъ¹.

Хорошо извѣстно, что китайцы почти каждое приобрѣтеніе своей культуры связываютъ съ личностью того или другого мифическаго императора. Этимъ императорамъ свойственна характерная черта, которую мы въ одномъ мѣстѣ называли «звѣроподобностью». На этой звѣроподобности и будетъ остановлено вниманіе читателя въ настоящей краткой заміткѣ.

Изъ числа этихъ мифическихъ императоровъ по имени наиболѣе извѣстны въ публикѣ Фу-си и Нюй-гуа. Однако, мало кто знаетъ, что Фу-си, по однимъ даннымъ, имѣлъ тѣло дракона и голову быка, а по другимъ—тѣло змѣи, голову Ци-лина и зубы черепахи, т. е. былъ животнымъ, правда страннымъ, но животнымъ. Такимъ же страннымъ животнымъ была и Нюй-гуа: она имѣла, по однимъ даннымъ, тѣло змѣи и голову быка, а по другимъ—тѣло человека, а голову змѣи. Такимъ же животнымъ былъ и Шэнь-пунъ: онъ имѣлъ тѣло человека и голову быка (по нѣкоторымъ—не быка, а дракона).

Выкинувъ изъ нашего употребленія слово «императоръ», которымъ принято по традиціи почтительно называть этихъ

животныхъ, мы посмотримъ, чѣмъ они извѣстны и знамениты. Первое животное, называемое Фу-си (2852 до Р. Х.), научило китайцевъ охотѣ, рыбной ловлѣ, прирученію домашнихъ животныхъ для употребленія ихъ въ пищу, изобрѣло сѣти для ловли животныхъ, два музыкальных инструмента, циклическіе знаки, положило начало письменности, регулировало брачныя отношенія и назвало именемъ драконовъ—лунъ официальные должности, такъ что «чиновники» назывались лунъ-ши². Второе животное, Нюй-гуа, создало изъ глины человека, поправило небо и изобрѣло, по Ли-цзи, свирѣль (хуань). Третье животное, Шэнь-пунъ, (2737 до Р. Х.), дало людямъ огонь (то же приписывается Суй-жэню, предшественнику Фу-си), обучило ихъ земледѣлю и торговлѣ, изобрѣло различныя земледѣльческія орудія и топоръ, положило начало медицинѣ, изучивъ лѣчебныя свойства травъ.

Теперь мы сравнимъ «дѣятельность» этихъ трехъ животныхъ съ аналогичной дѣятельностью животныхъ или зооморфныхъ персонажей въ мифологіяхъ другихъ народовъ.

¹) Настоящая замітка была написана въ 1912 году, но такъ какъ до сихъ поръ, насколько извѣстно автору, никто, по крайней мѣрѣ, въ русской литературѣ, не сдѣлалъ той постановки вопроса изученія исходныхъ моментовъ китайской исторіи, которая сдѣлана авторомъ, то авторъ очелъ себя въ правѣ опубликовать ее, несмотря на пятнадцатую давность.

²) Между прочимъ, въ «государствѣ» Фу-юй «чиновники» также назывались по именамъ животныхъ (всего шести), какъ-то лошади, быка, собаки и другихъ.

Любопытно, что въ митраизмѣ была степень льва, гѣны, орла или коршуна, такъ что лица, достигшія ихъ, назывались львами, гѣнами, орлами или коршунами.

Обращаясь къ греческой мифологіи, мы видимъ, что въ дѣтствѣ Вакхъ былъ козленкомъ, что однимъ изъ его многочисленныхъ именъ было прозвище «съ бычачьей головою» или «рогатый» и что ему приписывалось обученіе людей выподѣлю. За Вакхомъ можно припомнить, что изобрѣтеніе лаптепеской свирѣли приписывалось дорянами рогатому полу-животному полу-человѣку съ козлиными ногами, Пану, что фессалійцами изобрѣтеніе той же свирѣли приписывалось вѣкоему Терамбосу, имя котораго въ формѣ Керамбухъ значить майскій жуукъ, въ котораго онъ и былъ превращенъ нимфами. Нельзя не вспомнить также, что Керконсъ или Кекронсъ (1582 г. до Р. Х.) имѣлъ тѣло человѣка и змѣи и что онъ далъ обитателямъ Аттики религію, бракъ и другія социальныя учрежденія и обучилъ ихъ земледѣлю.

То же мы видимъ и въ древне-американской мифологіи. Такъ, наприимѣръ, перувианскій богъ Пачакамакъ изображался съ рыбьимъ хвостомъ, его аттрибутомъ была рыба и онъ считался носителемъ культуры и законодателемъ; мексиканскій богъ Кветсалькоматль, имя котораго значить «змѣя въ перьяхъ», имѣлъ воробьиною голову и ему приписывалось введеніе культуры.

Кромѣ этихъ фактовъ имѣются и другіе апалогичные факты. Такъ въ Австраліи орель-скоколъ Rind-jel не только творецъ міра, но и благодѣтель нравственности, у тлинкитовъ воронъ Эль далъ людямъ свѣтъ и огонь, у индѣйцевъ западнаго берега Ванкувера орель далъ средство для ловли китовъ, т. е. научилъ китоловству, у алыонкиновъ Великій Заяцъ сотворилъ міръ и изобрѣлъ рыболовныя сѣти.

Всѣ эти факты¹⁾, которыми можно

¹⁾ Между прочимъ, по древне-иранской мифологіи «первымъ земнымъ царемъ и просвѣтителемъ людей» является вошь съ головой бородачаго человѣка и съ крыльями, по имени Каюмеръ или Каюмертъ. Его «проемникъ» Хушегъ уже не имѣетъ животныхъ формъ, но открываетъ огонь при помощи чудовища, изобрѣтаетъ орошеніе полей, обучаетъ земледѣлю и приготовленію одежды изъ звѣриныхъ шкуръ и кованию жѣлѣза. Сынъ Хушенга, Тахмурастъ, что значить сильная лясина, которой онъ, должно быть, и былъ, «научилъ людей прясть, ткать и укротать дикихъ животныхъ». Сынъ Тахмураса, Джомшидъ, царствовавшій 700

заяты томы, включая въ нихъ и древне-кигайскіе, относятся къ одной категоріи.

До появленія антропологической школы въ изученіи религіи, всѣ они толковались веривъ и вѣсь и не получали надлежащаго объясненія. Много стоило времени и борьбы этой школѣ, чтобы ея принципы получили признаніе какъ въ средѣ ученыхъ, такъ и въ публикѣ. Хотя, правда, въ самой школѣ нѣтъ единства по многимъ и даже кардинальнымъ вопросамъ, тѣмъ не менѣе ея успѣхи неоспоримы и результаты, добытые ею, не могутъ не быть не приняты во вниманіе. Однимъ изъ крупныхъ приобретеній этой школы является тотемизмъ. Пусть въ ученіи о тотемизмѣ все еще много спорнаго, пусть его происхожденіе все еще не выяснено, пусть степень его распространенія все еще не рѣшена, тѣмъ не менѣе въ немъ есть и общепринятыя пункты. Тотемизмъ является для ума «дикяря» не только совокупностью теоретическихъ сдѣлтовъ на вопросы міропониманія, но и практическихъ указаній, при помощи которыхъ человѣкъ приспособляетъ природу и общество къ своимъ потребностямъ. Отсюда мы имѣемъ, что животныя (не единицы, а цѣлыя группы) тотемическимъ міровозрѣніемъ признаются не только творцами міра, человѣка, но и самихъ общественныхъ отношеній. Отсюда же цѣлыя цѣлыя легенды о животныхъ, создавшихъ культуру.

Въ настоящее время никто, сколько-нибудь знакомый съ тотемизмомъ, не станетъ отрицать какъ этого, такъ и того, что съ упадкомъ тотемизма, животныя, играющія роль творцовъ міра, человѣка и общественныхъ отношеній, индивидуализируются и, постепенно теряя свой животный видъ, принимаютъ сперва получеловѣчскія формы, а затѣмъ и совѣтъ антропоморфизируются, превращаясь въ героев-цивилизаторовъ, которые въ свою очередь могутъ переходить въ божества,—это для многихъ ученыхъ неоспоримый фактъ. Поэтому

лѣтъ, обучилъ приготовленію оружія и раздѣлилъ «подданныхъ на четыре сословія». См. И. Зиповъевъ. Эпическія сказанія Крама, стр. 50—53. Спб. 1855.

Когда представители антропологической школы обратили свое вниманіе на мифологию древне-классическаго и древне-американскаго міра, то они нашли, что и та и другая получаютъ великолѣпное объясненіе съ точки зрѣнія тотемизма, объясненіе, котораго тщетно добивалась филологическая школа.

Если, такимъ образомъ, тотемизмъ—основа мифологии и древне-классическаго и древне-американскаго міра, то почему ему не быть въ основѣ мифологии древне-китайской, если древне-китайская мифология въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ совпадаетъ съ первыми?

Мы нарочно привели факты, параллельные фактамъ древне-китайской мифологии, чтобы можно было ихъ сравнить и сдѣлать заключеніе въ пользу того, что ихъ наибѣйшее тожество говорить и за ихъ общій источникъ. Если же согласиться съ тѣмъ, что они имѣютъ общій источникъ, то тогда нужно принять, что было время, когда китайцы жили тотемическими группами, когда

они относились къ своимъ тотемамъ, какъ относились къ нимъ древніе египтяне, греки, перувианцы и относятся современныя американскія племена или австралійцы, когда для нихъ тотемизмъ давалъ отвѣты на вопросы о происхожденіи и міра, и матеріальной культуры и общественныхъ отношеній и т. д.

Такимъ образомъ, если мы для пониманія китайской мифологии примѣнимъ сравнительный методъ и взглянемъ на нее съ точки зрѣнія тотемизма, то увидимъ, что странная животная: Фу-си съ головой быка, Нюй-гуа съ головой быка и тѣломъ змѣи и Шэнь-пунъ съ головой быка, до того момента, какъ индивидуализировались и приобрѣли смѣшанныя формы, повидимому, были просто тотемами быками или змѣями. Такими же тотемами, вѣроятно, были и слѣдующіе за ними уже совершенно антропоморфизированные герои-цивилизаторы, извѣстные подъ именемъ императоровъ Хуанъ-ди, Яо и Шунъ.

Н. Мацокинъ.

Нарқоз.

И в мѣрть мрака, в мѣрть боли
Зажег бездонный, алый цвѣтъ
И-раб несбывшихся побѣд
И раб вдыхающих магнолій.
Стеная в сумракъ юдоли,
Томясь в кольцѣ чугуиныхъ лѣтъ,
Услышала я невятный бред
И тихій стонъ уснувшей воли.
И подошла, Веселый бог,
Склонясь на мертвые граниты,
Срывала таинственный цвѣтокъ;
И лился воздухъ ядовитый
На зачарованныя плиты...
И поняла я, И свѣтъ зажег.

Ф. Камышнюкъ.

Наркоз.

Я тихой ночью мечтал тревожно. Душа наполнялась каким-то беспокойным, сладким чувством. Мысли не шли в голову, что-то изживалось, как маящее, таинственное и жуткое и милое.

Это когда-то было со мной! Я не помню! Забыл! Но что-то простое и славное грезило! Что это? Дѣтство-ли, первая-ли вспышка любви? О, как далеко отошло все.

Чуть-чуть, издалека, слышится скрипка. А кругом тихо-тихо. Спокойно, но чувствуется грядущая боль. О чем?

Ах, если-б знать! Если-б войти в глубины я и освѣтить все свѣтом. Боль радостна, как вечернія сумерки, но почему поет душа? Изжить все сразу, в один миг; в безумной, дикой боли изжить стремление. А потом уснуть, отдохнуть.

Хаос плетется. Тонкой, тонкой, холодноватой нитью. Гдѣ ея начало и гдѣ конец?

Что-тоб срединное, ровное входит. И оно давит, как громадная глыба, мягкая, плотная, — давит, как во снѣ. Сбросить — проснуться.т Вѣдь это сон! Вѣд так! Только проснулея!..

Вот окая струйка бѣжит. Холодная жгучая. А, я знаю: — это мысль! Но почему она так уродлива? Кто сдѣлал ее такой?

Да, ѣд, это я сам! Да, я!

Растет туман — глаза ли смыкаются или я во снѣ? Не знаю — грани стерлись: полусвѣт, полутон. Вот синіе звуки! Какіе смѣшные!

Нѣт! это глупо! Ну да, смѣшно!

Но почему я не смѣюсь? А?

Это глупая штука! Не надо было курить! А если, если это.

Нѣт, не то!..

Как они странно танцуют! Острые, круглые, синіе, черные птицы! А вот и бѣлая! Длинная шея, а нос-тупой, маленькій. Как она рѣзко кричит! Как громко! Это же больно! Перестань Ну-же ну!..

А. Д.

Японскіе анекдоты.

1.

Одинъ мужчина цѣлыхъ полдня писалъ открытку и волѣлъ своей женѣ опустить ее въ почтовый ящикъ. Жена посмотрѣла на адресъ и говоритъ: «Послушай, если написать просто: «Канда¹⁾, тебѣ», — то развѣ дойдетъ?» «Что же тутъ непонятнаго?» отвѣчаетъ мужъ — «вѣдь на Канда у меня только одна тетка живетъ».

2.

Нѣсколько господъ въ сообществѣ съ мѣстнымъ рыбакомъ совершали прогулку по морскому побережью. «Здѣсь постоянно дуетъ холодный южный вѣтеръ», сказалъ рыбакъ. «Г-мъ, странно!» усумнился одинъ господинъ. «Однако сейчасъ, наоборотъ, сѣверный вѣтеръ дуетъ, не такъ ли?» «О, нѣтъ! — какъ ни въ чемъ не бывало отвѣчалъ рыбакъ, — «это не сѣверный. Теперь это возвращается уже прошедшій южный вѣтеръ».

3.

— Послушай, что это такое вчера, когда ты пошелъ въ поле, взять съ собою серпъ, и теперь его совсѣмъ не видно?

— А-а! Вотъ несчастье-го! Я забылъ его.

— Вотъ неспособный человѣкъ! Ну, гдѣ ты его оставилъ?

— Если это... г-мъ...

— Ну! ну!

— Гдѣ же это могло бы быть? Ахъ, вотъ гдѣ: оставилъ его тамъ, гдѣ отдыхалъ.

¹⁾ Канда — часть г. Токио.

— Удивительно, какъ это ты все-та-вспомнилъ. Ну, а гдѣ же ты отдыхалъ?

— Это...

— Ну, гдѣ? гдѣ?

— А-а! да тамъ, гдѣ оставилъ серпъ.

4.

Мужъ. А какой мѣсяцъ самый плохой для женитьбы?

Жена. Ну, и позабывчивый же ты! Не въ июнѣ ли поженились мы?

5.

На экзаменѣ.

Профессоръ. Когда предъ вами пациентъ, — на что прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе?

Студентъ. Саю! ²⁾ Прежде всего на то, можетъ ли онъ заплатить по счету, или нѣтъ...

6.

Мужъ. Я больше, чѣмъ на половину, не могу вѣрить тому, что говорятъ люди.

Жена. Это еще ничего! А я не могу считать за правду большую половину изъ того, что сама говорю.

7.

— Я говорила тебѣ, чтобы ты смотрѣла за кошкой, потому что тутъ рыба, — а ты почему-то подъ веранду смотришь.

— Да я изъ всей силы смотрю за кошкой, потому что она сейчасъ рыбу кушаетъ.

8.

— Эй, Томи! Ты извинился предъ тѣмъ господиномъ, когда наступилъ ему на ногу?

²⁾ Ука ываетъ на то, что вопросъ нонятъ.

— Конечно извинился. Когда я извинился онъ назвалъ меня хорошимъ мальчикомъ и далъ мнѣ 10 сѣнъ.

— 10 сѣнъ даяъ? А ты что тогда?

— Я еще разъ наступилъ ему на ногу и пытался извиниться, но на этотъ разъ не удалось.

9.

Поэтъ. Другъ мой, надѣюсь, ты получилъ сборникъ моихъ стиховъ, который я тебѣ послать?

Другъ. Да, да! Вотъ ужъ спасибо! А

то, знаешь, никакъ не могу заснуть, если не почитаю.

10.

Хозяйка (показывая свою фотографическую карточку, служанкѣ) карточка готова, посмотри: какъ смѣшно, я вышла!

Служанка. Да! Дѣйствительно, неудачно. На карточкѣ Вы очень красивой выглядываете.

Перевелъ Н. Овидіевъ.

Есть много сокровищъ безвѣстныхъ

В бездонныхъ глубинахъ души!

Какъ жальд-хризолитовъ небесныхъ

В необлачной синей тиши.

Поэты въ нихъ-и станешь счастливымъ!

Ищи, находи, достигай,

Поэты непонятнымъ порывамъ,

Откроешь невѣдомый рай.

Увидишь, какъ жалежъ и тѣсенъ

Твоей прежней, родной тебѣ миръ,

Какъ много чарующихъ пѣсенъ

Рождаетъ безмолвный эфиръ.

Сокровищъ незримыхъ естъ много.

И радостно ихъ находить,

И кажется легкой дорога.

И хочется — хочется жить.

Ф. Камышнюкъ

ЗАСТѢНОКЪ.

Сборникъ разсказовъ японскаго писателя-художника
Кенси Уеда.

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ:

РАЗСТАВАНІЕ.

Не успѣлъ онъ, какъ слѣдуетъ, вздремнуть, какъ въ окнѣ уже побѣлѣло.

Смерка болѣлъ животъ. Полный ротъ накопившихся за ночь вязкихъ мокротъ онъ сплюнулъ въ бамбуковую пепельницу. Острый запахъ никотина укололъ его въ носъ.

Когда онъ, лежа на спинѣ, закрылъ глаза, онъ почувствовалъ, что вѣки его припухли.

Го-о-нъ, го-о-нъ слышался звонъ, сильно увлекавшій съ собою душу. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ въ Осаку, онъ ни разу не слышалъ такого звона и онъ соображалъ, изъ какой кумирни онъ могъ бы исходить.—По старымъ воспоминаніямъ у него составила картина—колокольня—человѣкъ, ударяющій въ колоколь—роца—и такъ далѣе.

Когда тѣмъ временемъ стали раздаваться звонки велосипедовъ и грохотъ утреннихъ дешевыхъ электро-

трамваевъ, ему не стало больше втерпезъ.

Положивъ руку на плечо дѣвушки, онъ сказалъ:

«Послушай, я ухожу». Подъ рукой его чувствовалось что-то исхудалое, костлявое.

«.....»

Дѣвушка потушила электричество, сказавъ, что при немъ плохо спать. Черезъ маленькое окно надъ изголовьемъ проникалъ въ темную комнату пепельнаго цвѣта свѣтъ. Любъ ей съ его скудной растительностью казался еще болѣе высокимъ и надъ безхарактернымъ ртомъ ея лежала некрасивая тѣнь. Съ жиромъ румянъ, расплывшихся по порамъ блѣдныхъ вялыхъ щекъ, походившихъ на выпотрошенное рыбе брюхо, перемѣшалась черная пыль. Круглыя поздри, порывъвшія отъ табака, слегка похрапывая, извергали прѣлѣйшаго запаха.

Вчерашняя бѣлолицая живая дѣвушка куда-то исчезла.

Онъ всталъ съ постели. Снялъ проворно ночную сорочку изъ бумажной фляпелли и надѣлъ холодное платье. Натягивая носки, онъ осматривалъ окружающее.

Комнатуха, площадью въ двѣ квадратныхъ сажени, загроможденная комодомъ и большимъ переноснымъ очагомъ, была окончательно занята посланной на полу постелью. На стѣнѣ была наклеена рекламная картина Коммерческой Пароходной Компаніи, тѣсная ниша залита стериономъ.

Полусумрачный, испорченный воздухъ былъ насыщенъ запахомъ пудры, запахомъ животного тела—и всеми прочими только возможными ароматами. Къ закоптѣлому низкому потолку чайного цвѣта прикасалась его голова.

Переступая черезъ лежавшее на боку, точно трупъ, животное, онъ пріоткрылъ на четыре-пять дюймовъ окно, и черезъ него полился освѣжающій воздухъ вмѣстѣ съ синеватымъ свѣтомъ. Въ прямоугольной рамѣ показалось холодное небо пенельнаго цвѣта.

Въ манти и шляпѣ онъ согнулъ колѣни и потрясъ ее за плечо.

«Послушай, вставай. Я уйду».

Отвѣта не было. Когда онъ ее сильно трясъ, она открыла щелку глазъ, но они тотчасъ же, какъ ослѣвленные, закрылись. Протирая глаза, на манеръ ребенка, щитомъ руки, она произнесла:

«Хорошо спалось. Вы уже уходите? Вѣдь рано еще». И покрыла обнаженное плечо одѣяломъ. А затѣмъ, вѣроятно, чтобы не показать непривлекательное арѣлище пробужденія, она отвернулась на другую сторону.

Онъ же замѣтилъ за ея ухомъ

подтеки отъ давившей деревянной подушки и развалившуюся прическу.

Раздался грохотъ раздвигаемыхъ дверей и шумъ шаговъ.

Кругомъ стало свѣтло.

Рядомъ было слышно, какъ спускались по лѣстницѣ.

«Послушай, вставай же... Послѣ можешь спать, сколько хочешь».

Онъ сказалъ это тѣмъ равнодушнымъ тономъ, съ которымъ обращаются къ человѣку низшему, съ которымъ никогда не встрѣчались, и разсматривалъ при этомъ съ чувствомъ нескрываемаго отиращенія ея фальшивую черную косу, въ которой просвѣчивали ярко-рыжіе волосы.

Въ его головѣ стучало желаніе, какъ можно скорѣе уйти отъ нея.

Когда онъ шумно раздвинулъ дверь и вышелъ въ корридоръ, она, вставъ наконецъ, съ растрепаннымъ видомъ, послѣдовала за нимъ, говоря:

«Вѣдь рано еще».

По тонкой шеѣ какъ-бы мало пригодной для этого дѣла, хрупкой дѣвухи спускались въ безпорядкѣ растрепанные ея волосы. Онъ увидѣлъ ея безкровныя пятки, устало шлепаншія сандалями, и въ эту минуту въ мозгу его промелькнула мысль:

Только уйти, чтобы никогда больше не встрѣчаться съ этой женщиной.

Дѣвушка подошла къ изголовью спавшей въ конторѣ ключницы и взяла у нея ключъ. Открывъ въ гардеробномъ шкафу для хранения деревянныхъ уличныхъ сандалій, на которомъ были написаны имена всѣхъ дѣвушекъ заведенія, гнѣздо съ надписью «Косато», она достала сандалию молодого человѣка. Сняла съ грохотомъ замокъ съ калитки въ

воротахъ. Холодные, тонкіе пальцы
ся слегка прикоснулись къ его ру-
кѣ, когда онъ поспѣшно собирался
выйти.

«До свиданья... Поскорѣй прошу

Васъ опять пожаловать...»

Онъ молча вышелъ на улицу.

Вдохнулъ полной грудью холод-
ный воздухъ.

Перевелъ съ японскаго Е. Спальвинъ.

Небесное счастье и земное счастье.

(ЯПОНСКАЯ СКАЗКА).

Въ глубокой древности жилъ въ одной
мѣстности честный старикъ. Однажды
ночью онъ видѣлъ во снѣ, какъ съ неба
свалилось ему счастье. Старикъ сильно
обрадовался. Когда на слѣдующій день,
отправившись въ поле, онъ работалъ
тамъ, что-то звякнуло у него подъ мо-
тылкой. Поспѣшно вырвавъ, онъ посмо-
трѣлъ: это былъ большой старый кув-
шинъ, на днѣ котораго лежала малень-
кая золотая монета.. Старикъ очень
удивился.

— Если судить по вчерашнему сну,
то я долженъ бы получить счастье съ
неба, однако это я вырвалъ изъ земли.
Стало-быть, это не небесное счастье, а
земное. Видно, этотъ доставшійся мнѣ
кладъ не для меня,—говори такъ, онъ
вложилъ монету обратно въ кувшинъ и,
оставивъ его въ полѣ, вернулся домой.

А по сосѣдству съ нимъ жилъ жад-
ный старикъ. Ну, не радостно ли, не
приятно ли для него было услышать
объ этомъ кувшинѣ?

— Простофиля—этотъ старичишка!
Дуракъ: вырвалъ деньги, а не забралъ ихъ
по тому лишь, что это, будто бы, не не-
бесное счастье, а земное! Если такъ,
то пока онъ не видитъ, я сбѣгаю и возьму
ихъ!

И онъ быстро отправился въ поле.

Прибѣгаетъ въ поле, смотритъ: дѣй-
ствительно, здѣсь этотъ кувшинъ. Онъ

тогда же схватилъ было его, но...
будто бы и одна въ кувшинѣ монета, а
никакъ не сувицетъ его съ мѣста.

— Ну ни чего ни подѣлаешь! При-
дется взять лишь что тамъ есть,—и онъ
открылъ кувшинъ.

Открылъ кувшинъ, и—о, ужасъ! Ду-
малъ, что деньги, а тамъ—змѣи, ля-
гушкы, земляные черви, грязныя насѣ-
комыя... Жадный старикъ былъ сильно
озадаченъ и съ крикомъ побѣжалъ прочь.

— А-а! Этотъ старичишка рассказы-
ваетъ тамъ всякія небылицы и лишь
надуваетъ людей! Бестія! Негодяй! Такъ
вотъ что я сдѣлаю въ отместку ему!—
съ этими словами онъ верпулся назадъ,
поднялъ тяжелый кувшинъ и, отправив-
шись съ нимъ къ сосѣду, швырнулъ его
черезъ окно къ подушкѣ спящаго ста-
рика.

Безкорыстный, честный старикъ ни-
чего ни подозрѣвалъ въ это время. Но
что-то такое звякнуло у его изголовья.
Онъ открылъ глаза и присмотрѣлся:
черезъ голову его со звономъ пролетѣлъ
кувшинъ съ деньгами. „Ого! это вотъ,
дѣйствительно счастье съ неба!“—ска-
залъ старикъ и поспѣшилъ поднять кув-
шинъ.

Вскорѣ, говорятъ, онъ сильно разбо-
гатѣлъ.

Перевелъ Н. Опидевъ

Моя жизнь.

Моя жизнь—тропа прямая, без начала, без конца;
Я иду, смеясь, рыдая, и томлюсь во кругу конца.
И не знаю уклонений. Путь мой ажиси: вдале и вдале...
В тихом сумраке сомнений притаилась печаль.
Но иду я, одинокий... Нет людей вблизи, водали...
Так в безкрасность шли пророки, так безумцы в безну
шли.

Прогожу виденья рая, прогожу чертумый ад,
Ночь и день, в борьбу стисая, в глубь души моей глядят...
Но, усталый, их минуя, я иду, всегда иду...
Я не знаю, что найду я: бездну тьмы или звезду.

Ф. Камышнюк

* * *

*Жизнь темна, стра, безнадежна! Нтъ в ней солнца!
Так создадим его сами, Это солнце отыщем в воспоминаніях наших.*

*Если мы не умѣем жить красиво, то хоть научимся
красиво вспоминать.*

*То, что было красиво в жизни, но не выдержало ея
ударов и разсыпалось на куски—нужно осветить лучами сердца.*

*Пусть куски разбитой красоты расцветятся огнями и
никогда будут светом своим согревать и украшать душу.*

Такой красотой бывает только первая любовь.

*Любовь—отблеск потусторонняго, красоты неземного в
земном.*

*Любовь—воля творческаго „я“ к красоте сквозь сумерки
обыденщины.*

*Раз приходит любовь—и может и не раз,—но больше и
полнее излучает красоту первая.*

*Густ обыденщины велик, трудно прорваться из мутнаго
грязнаго тумана млыщанства под вѣчное солнце неслѣпной
Красоты.*

*Но, если нтъ у нас солнца,—засветим факел, горящій
тѣм же огнем, что и солнце.*

*Пусть в дальнѣйших путях наших освѣщает он нам
дорогу своим светом стираниаго стремленія и светъ его, про-
биваясь сквозь испаренія гнѣющаго болота-жизни, научит нас
видѣть счастье в исканіи и стремленіи, научит нас согревать
сердце грезой волшебной, сказкой чудесной.*

Научимся же не разбивать жизнью стремление творческого безумия и красоту, а создадим жизнь свою по образу и подобию страстной фантазии Красоты.

Мы — все романтики. Все нас влечет запретельное, все мы стремимся „за предельны конечнаго в страны свѣтлой безбрежности“:

Но дланіе жизни мѣщанской, заботы о глупом и тупом счастье доволства во многих, слишком многих, ослабляют порывы, загоняют их в тайники души и превращают в ходящую счетную машину, умѣренную, аккуратную, здравомыслящую.

Довольство сытости научает стыдиться романтических исканій и люди краснѣют и извиняются за романтическій порыв.

Чего стыдятся они?

Стыдятся просвѣтленія души, стыдятся расцвѣтти и жагой радости оаренія, творческаго акта само- и міросозиданія по образу Красоты.

Да! Жизнь — враг мечты.

Жизнь — это горячая кровь, но в безобразной формѣ. Мечта — красивая форма, без дыханія жизни.

К чему же раз'единять плоть и кровь? Соъем их вмѣстѣ: пусть жизнь творится по образу мечты.

Не с грустью отдѣляй мечту от жизни, а с радостью преображай жизнь в мечту.

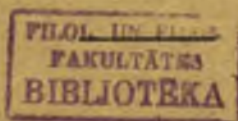
А. Д.

Опечатки.

Въ текстѣ вкрались досадныя оечатки. Просьба къ читателямъ—
доуточити и испрavitи ихъ.

Стр-ца.	Столб.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
1		6	И. Ф. Ливин	И. Ф. Ливин
5	2	24	амл	был
8	1	10	выполни	выполнив
10	•	31	хотя-бы общих	хотя-бы в общих
23	2	1	интересныти	интересными
55	—	2	полу ночи	полуночи
56	—	2	конца	кольца

**Рясъ, перецъ синганурскій
кофе: Сантосъ, Гуатемала,
Нимарагуа, Ріо, плоское и круглое
Корицу, бадьянъ калганъ, ладапъ,
ПОДОШВЕННУЮ КОЖУ**

Марки «М Е Д В Ъ Д Ъ».

**ПРЕДЛАГАЕТЪ
НА ВЫПИСКУ**

Торговій Домъ

СТЕРЕЛЬНИИ Ко.

Алеутская ул., д. Та-
гуновыхъ. Владивостокъ.

ПРИМОРСКАЯ БИРЖЕВАЯ КОММЕРЧЕСКАЯ АРТЕЛЬ,

удостоенная на выставкѣ ПРИАМУРСКАГО КРАЯ 1913 г., за полную дѣятельность ПОХ-
ВАЛЬНЫМЪ ДИПЛОМОМЪ, предлагаетъ своимъ членовъ на разныя ответственныя долж-
ности по всемъ отраслямъ ТОРГОВЛИ и ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПРИ ПРАВЛЕНІИ АРТЕ-
ЛИ ОТКРЫТЬ.

Комиссионно-транспортный отдѣлъ,

который принимаетъ всевозможныя порученія, приемъ товаровъ НА СВОИ СКЛАДЫ НА
ХРАНЕНІЕ, отправку по жел. дор. и по р. Амуру прямымъ направлениемъ. Оборудована мас-
терская задѣлать почтовыхъ посылокъ отправку ихъ по почтѣ съ оплатою почтоваго фрахта и
таможен. досмотръ, очисткѣ товаровъ отъ насекомыхъ

Порученія гарантируются капит. артели согласно устава.

**АРТЕЛИ ТРЕБУЮТСЯ ОПЫТНЫЯ ЛИЦА ДЛЯ ЗАНЯТІЯ ОТ-
ВѢТСТВЕННЫХЪ ДОЛЖНОСТЕЙ.**

Правленіе артели: Владивостокъ Алеутская ул., домъ Молчанова № 13 кв. 2. Телефонъ 799.
«ПРЕДСТАВИТЕЛИ»: Хабаровскъ — Г. В. Гуриновичъ «Пароторъ». г. Никольскъ-Уссури. — Н.
Н. Варламовъ. Адресъ для телеграммъ, Владивостокъ «ПРИМАРТЕЛЬ».

Добровольный Флотъ.

**Срочное Почтово-пассажирское-грузовое сообщеніе между
портами Владивостокомъ — Цуругой и Владивосто-
комъ — Нагасаки — Шанхай.**

Сообщеніе это поддерживается первоклассными быстроходными пароходами,
снабженными беспроволочнымъ телеграфомъ. Подробности печатаются пе-
риодически въ мѣстныхъ газетахъ.

24 Срочныхъ рейса въ навигацію по линіямъ Оокотскаго и Беренгова морей.
16 рейсовъ въ навигацію по линіи Татарскаго пролива до Александровска на
Сахалинѣ и Николаевска На Амурѣ.

Срочные рейсы по побережью Приморской Области.

**КРОМЪ ТОГО ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ НЕСРОЧНОЕ СООБЩЕНІЕ МЕЖДУ ВЛАДИ-
ВОСТОКОМЪ И ПОРТАМИ СЪВЕРНАГО КИТАЯ И ЯПОНИИ.**

За всеми справками надлежитъ обращаться въ Управление Дѣлами во
Владивостокѣ и въ иногороднихъ Агенствахъ

Телеграфный адресъ: Флотъ Владивостокъ. Телефоны: 721, 1257.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
И С. ОСТАПЕНКО и К^о.

ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТОРА.

Владивостоки, Свѣтлицкая ул., № 9. Тел. № 9—96.

ПРИНИМАЕТЪ

установки центральныхъ отопленій,
вентилляцій,
водопроводовъ,
канализаціи,
механическихъ прачешныхъ
и другихъ техническихъ сооружений.

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ большая партія шѣдныхъ ментилей и электрическихъ лампочекъ.

Оптовая и розничная продажа всевозможныхъ матеріаловъ.